

НАДЕЖДА ОЛЕШКЕВИЧ
ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА
ДАРИАН
НАКАЗАНИЕ

ИДДК

КНИГА 1

Последняя из рода Дариан

Надежда Олешкевич

**Последняя из рода Дариан.
Книга 1. Наказание**

«ИДДК»

2023

Олешкевич Н.

Последняя из рода Дариан. Книга 1. Наказание / Н. Олешкевич — «ИДДК», 2023 — (Последняя из рода Дариан)

Настало время разгадать тайны моего рода. Для этого нужно поступить в столичную академию, стать участницей престижного турнира и пройти Лабиринт до конца. Но как, если мне помешали еще на подходе к Наарину, заключили под стражу и назначили жестокое наказание, имеющее имя. Шай изн Гальтон! Надменный, высокомерный, красивый принц, решивший поквитаться со мной за свою же ошибку. Забавно, когда-то мой отец правил Надмирией. И настоящая принцесса здесь я! Но это тайна...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Надежда Олешкевич

Последняя из рода Дариан.

Книга 1. Наказание

© Олешкевич Надежда

© ИДДК

Содержание цикла "Последняя из рода Дариан":

Книга 1. Наказание

Книга 2. Лабиринт

Пролог

– Принцесса не станет поломойкой! – возразил седовласый старик, не обратив внимания на движение за сундуком. Скрывающаяся за ним девушка зажала ладонью рот, чтобы случайно не проронить ни звука.

– Позвольте, почтенный Кейот, я не это сказал, – покачал головой более молодой собеседник.

– Поступить в Нааринскую академию по вольной программе – то же самое, что устроиться служкой для прогневших аристократов. Вам ли не знать, кхм, почтенный.

Мужчина в синих одеяниях поерзал на подушке, чувствуя себя неловко, обвел взглядом шатер. Воздух был сух и настораживал пустотой. Ветер напал на стены временного жилья. Полотно прогибалось, края на входе дрожали, обещая вот-вот распахнуться и сделать опасно секретный разговор достоянием общественности.

– Умерьте пыл, – примирительно сказал он седовласому шойну, с малых лет опекающему принцессу. Ей миновало девятнадцать зим, на подходе двадцатая. Дольше прятать девушку нельзя. – Сами понимаете, что вечно скрывать ее от Смотрящих не выйдет. Они найдут девочку!

– Шестнадцать зим как-то не находили, – выплюнул шойн.

– Ее силы растут, ей нужны знания. Практика, наконец!

– Амисса справится и без напыщенных квохов, считающих себя знатоками мира и всех его граней. Они прогнулись! Присягали на верность истинному правителю, а по итогу отвернулись, стоило ему пропасть.

– Аиэн, – покачал головой незванный гость.

– Я простой аин, прошу не путать, кхм-кхм, почтенный. И мы готовы поехать в Артар, – пошел на уступки кочевник, некогда живший при дворе.

С тех пор миновало шестнадцать зим. Он уже забыл, как это – не бояться искажений, быть уверенным в завтрашнем дне, не скрываться от диких кошек, не срываться с места при дрожании воздуха, спокойно просыпаться без опасений вдруг оказаться за гранью. Однако старый колдун не жалел ни о чем. Помнил о долге перед своим единственным правителем, до сих пор не признавая нового.

– Вы понимаете, что дело не только в скрытой силе девочки.

– Эта девочка способна на такое, что вам и не снилось. Она всем вам может показать, где... – усмехнулся шойн, но различил шорох и вмиг стал серьезным: – Нет! Только Артар! Или справимся сами, перебиваясь знаниями странников.

– Странников недостаточно! Их взгляды на колдовство отличаются от общепринятых. Они не помогут обуздать ее силу. Тем более заканчивается четвертое четырехзимие. Пройдет цикл!

– Нет! – взорвался кочевник. – Исключено! Она не станет подвергать себя опасности и играть по вашим... Пшел прочь! Забудьте о нас. Амисса никогда не вернется в столицу и уж точно не взойдет... – он запнулся, скосил взгляд на сундук. – Нас больше нет.

– Мы верим в нее. Это шанс! – вскочил мужчина. – Шанс все вернуть.

– О чем вы? – показалась черноволосая девушка из своего укрытия – смысла в нем все равно не было, шойн заметил ее, а потому теперь осторожничал.

– Ни о чем, наш гость уже уходит, – сказал старик, однако колдун в синих одеяниях проигнорировал намек и двинулся к Амиссе.

– Лабиринт! Он открывается каждое четырехзимие. Колдуны могут пересекать даже временную грань, видят истину. Вам нужно пройти...

Шойн ударил мужчину крюкой, начал выталкивать его за пределы шатра. Подавил голос колдовством, хотя пользоваться им было опасно, силой выпроводил на улицу и вернулся. Встретился с принцессой взглядом.

– Что вернуть? – жестко спросила она. – Старик, ты снова назвал меня...

– Прости.

– Кейот, рассказывай. Он обратился к тебе, как иэну, значит, ты некогда был Смотрящим?

– Это мелкая оговорка, разница всего в букве.

– Кейот! Сколько можно? В прошлый раз, когда ты назвал меня принцессой, нам пришлось бежать через Смердную пустошь и перебираться через Ледяное море. От кого мы прячемся?

– Он полоумен, забудь. Это последняя наша встреча.

– Это был гость из столицы? От НИХ?

Девушка задышала чаще от волнения. Было приятно, что о ней вспомнили, и одновременно боязно. Она слышала о неведомых покровителях, дающих о себе знать в самые сложные моменты их с шойном жизни. Старик уже три раза назвал ее принцессой. Значило ли это, что ее берегли для чего-то, пугающего своим размахом и возможной ценой. Неужели ее спрятали до определенного момента, который, по всей видимости, настал?

– Забудь, девочка. Мы выбрали свой путь и не вернемся к прошлому – оно забыло о нас.

– Я хочу правды, – отрезала Амисса, не желая снова слушать старческие мудрости. Их было слишком много за всю ее сознательную жизнь.

Смирение, осторожность. Контроль... постоянный контроль! Скрытность, ложь, бесконечные маски! Догадки о том, кто она, кем могла бы быть и кем пока стала. Кочевница без имени и настоящего лица. То сорванец в обносках, то болезненная девочка, не покидающая палатку, то отважная воительница, наравне со взрослыми сражающаяся с дикими кошками.

– Я заслужила правду, – непримиримо добавила она, глядя в упор на своего шойна – единственного человека, которого знала с трех лет, заменившего ей отца, мать, брата, друга...

Он заменил ей семью, но в полной мере не стал ею. Учил, наставлял, рассказывал, часто недоговаривал, скрывал от всех, заботился, наказывал.

– Нет, девочка. Ты слишком мала.

– Мне почти двадцать! – решительно сократила она между ними расстояние.

– Ты не готова.

– А буду ли?! Я не настолько глупа и способна сопоставить факты. Моя семья мертва, их убили в ночь Трех Белых лун! Я права? Поэтому мы стали кочевниками, когда мне было три. Маленькому ребенку не место на Путиях. Здесь даже взрослые не всегда справляются! Шойн, хватит! Я устала от лжи. Всякий раз, когда заводила тему о своем происхождении, ты уходил от ответа и снова бежал. Тебе не надоело? Мне – да!

Старик опустил на подушку, положил рядом крюку. Подтянул к себе ноги, принимая позу для медитации и намереваясь таким нехитрым способом оставить Амиссу без ответов.

– Даже не думай! – схватила она шойна за руку. – Чего ты боишься? Не веришь в меня? Считаешь, не справлюсь?

– Не справишься, – согласился старик. – Ступай мыть посуду. Мы скоро выдвигаемся.

Принцесса сжала кулаки, покорно отправилась к выходу. В детстве она помнила его более решительным, пылающим жаждой мести, теперь же шойн принял участь кочевника, смирился. Вот только ей эта жизнь была не по нраву. Она не знала родителей, до определенного момента не догадывалась, кто она. Зато во снах всплывали нечеткие образы. Был нежный мамин голос, поющий колыбельные, еще отцовская улыбка. А также звонкий смех старшего брата, отнимающего у нее игрушку.

– Сегодня ночью я сбегу, – произнесла она не оборачиваясь. – И сама добуду правду. Если я приму ее, то ты знаешь, где меня искать.

Глава 1

Это столица?! Не город, а какое-то птичье гнездо.

Вокруг Наарина шел ров, зияющий чернотой своей глубины. Стены были выращены-вылеплены из стволов защитных деревьев и камня. Вдалеке высилась птица-мать, раскинувшая крылья замка правителя, которые бережно укрывали своих детей – жавшихся к ней башен-птенцов, что острыми шпильями-клювами тянулись к небу. По натянутым канатам плавали пузатые вагончики, напоминая пчелок-трудяз. Ближе к земле рассыпались скромные домики, представляя собой толстый настил из подручных средств для утепления гнезда.

Грандиозно по своим масштабам и удручающе, учитывая, сколько тиков уходило на поддержание этого великолепия.

Я ухмыльнулась. Крепче сжала изогнутую на конце палку, в народе называемую крюкой, и направилась вниз по склону. Сзади послышался гомон голосов из приближающейся повозки. На крыше ее сидели дети, играли в увидь-угадай и весело хохотали. И если эта картина вызывала улыбку, то другая заставила напрячься.

– Слишком быстро едут, – озвучила я тревожные мысли, глядя на увеличивающийся столб пыли вдали.

Хотя волнение сейчас лишнее. Возле столицы не станут наглеть и пренебрегать общепринятыми правилами. Сила общая!

Я отвернулась, бодро зашагала. Со мной поравнялась повозка.

– Два белого на черном!

– Глаза на твоём вечно грязном лице, – подала голос женщина с козел, перед этим приветливо кивнув мне.

– Ну, ма-а-ам!

– Что «ну, мам»? Кто у нас не любит умыться? – подняла она голову.

Второй мальчишка захохотал, хлопнул обиженного по плечу. Я заразилась от них улыбкой, но та быстро сползла с лица.

Крюка задрожала. Заостренный кончик потемнел, предупреждая об искажении.

– Ускоряйтесь! – крикнула я в сторону повозки, а сама развернулась, готовясь задержать наглых ублюдков, решивших, что им можно все.

Нельзя их пропустить. Стоит этим гадам проехать мимо, как нас утянет за грань, а здесь ведь дети! Взрослые справились бы, но мальчишкам не хватит сил. Их тела вряд ли научились ее поглощать и наполнять тики.

Я потянула энергию из земли, перекрыла потоки, чтобы наполнить резерв, задействовала силу и пустила ее в крюку.

Кончик еще больше потемнел, высох, реагируя на изменения в пространстве. Я подняла глаза на две увеличивающиеся точки, разглядев тикалеты. Паразиты! Вот из-за таких погибают люди. Их не учили использовать только свой резерв?

Крюка вытянулась, стала толще. Я заняла позицию посреди дороги, опустила руки, дожидаясь приближения. Пыль уже поднялась возле меня, проникла в нос, защекотала. Лишенный энергии воздух задрожал, обещая с минуты на минуту лопнуть мыльным пузырем и выбросить нас за грань.

– Ближе, – шептала я, разглядывая управляющих тикалетами. – Ближе.

Мужчины. Молодые. Оба в бордовом.

– Стоять! – завопила во весь голос, и правый даже послушался.

На породистом лице второго мелькнула ухмылка. Блондин сделал вид, будто не заметил меня, и немного изменил путь своего полета, минуя пустяковое препятствие в виде худенькой кочевницы. Глупец!

Я выбросила влево руку с крюкой, ударила по высокородному ездоку, скинув его на землю. Обратила внимание, как еще больше потемнело дерево, оповещая об опасности.

Проклятье!

С пальцев блондина сорвались потоки воздуха, превратились в защитную подушку. Он отпружинил от земли и мягко опустился на ноги.

– Жить надоело?!

– Не дури, – прорычала я, заметив легкое движение его руки.

Отпрыгнула, увернувшись от точечного удара. Сжала крюку, почти наполовину ставшую черной. Нет, вряд ли эти двое настолько идиоты, чтобы не видеть изменений вокруг.

Я обернулась на удаляющуюся тележку и, решив, что отвлекла зажавшихся богачей достаточно, хотела побежать следом. Но мои ноги стянуло прозрачным лассо. Я плюхнулась животом на землю, поехала назад.

– Брось, Кираан, ехать надо.

– Она подняла руку на наследника, такое прощать нельзя. Сейчас я преподам ей урок.

– Было бы кому, бродяжке с палкой, – прошел мимо обладатель бархатного голоса, наполненного легкой хрипотцой. В другой ситуации я оценила бы, но...

Бродяжке?!

Я схватила его за ногу как раз в тот момент, когда второй дернул за лассо. На этот раз блондинистый колдун не успел толком среагировать, снова выпустил прозрачные потоки, которые по итогу придали нам ускорение. Воздушная нить, сковывающая мои лодыжки, лопнула. Мы прокатились по пыльной дороге. Позади остался не заглушенный тикает его товарища.

Однако не успела я мысленно обругать бестолкового брюнета, как различила хлопок. Нас выбросило.

Тело окутала промозглая влага. Руки утонули в короткой траве, покрытой росой. Я втянула носом свежий воздух, но не смогла им насладиться. Время!

Теперь оно действовало против нас. В первые минуты, если правильно сориентироваться, можно выпрыгнуть в точке входа. Нужно лишь...

– Ты что творишь? Совсем ополоумел? – схватила я за руку колдуна, решившего угробить нас выпущенной силой.

– Спрячься, чтобы глаза мои тебя не видели, – рявкнул он, усиливая потоки выпускаемого воздуха, и добавил с отвращением: – Бродяжка. Морте! Виа морте!

Сгустившийся вокруг нас туман дрогнул, обещая вот-вот отступить. Я различила очертания леса, прячущихся за серой дымкой высоких сосен, тени кустов.

– Вроде колдун, а дурак дураком.

Но не время объяснять, что вливанием силы он превратил небольшой и слабый зародыш заграничья в полноценную единицу, пригодную к существованию. В миаре уже появилась растительность. Затем будет живность. И чем больше его наполнение, тем сложнее выбраться обратно в нормальный мир.

Вот только блондинистый недоумок в кожаной куртке и дорогуших ботинках, зачарованных от почти всех напастей сумасшедшей реальности, не думал слушать человека, с малых лет обитающего по соседству с искажениями. В столице их, считай, нет. Откуда? Там воздух пропитан энергией, резерв наполняется с бешеной скоростью, зато здесь – какой сюрприз – внешней силы нет. И что он станет делать, когда исчерпает себя? Начнет рвать на себе волосы?

Я еще раз обозвала его не самыми приятными эпитетами, правда, мысленно, и собралась взять решение проблемы в свои руки. Если он собрался остаться в миаре, то я – нет. Мне еще в академию поступать. Нужно «обуздать» силу, и все такое. Знал бы Хавиен ди Сорг, тот самый мужчина в синем, явившийся в нашу палатку, чтобы передать волю невидимых покровителей, что нет нужды в ее «обуздании».

Взгляд побежал по поляне. Я провела голой ступней по мокрой траве, осмотрелась, заметила спрятанную в земле коряку. Но едва присела возле нее, как обнаружила то, что мне нужно. Маленький желтый кактус, которого здесь быть не должно. Папис обычно рос в засушливых пустынях и дарил заплутавшим путникам воду. Он всегда утопал корнями глубоко в землю, собирал оттуда влагу... Но сейчас не о том.

Я осторожно потрогала колючки, обломала пару. Встав на колени, начала вырывать вокруг растения траву.

Внезапно стало теплее. Воздух раскалился. Я подняла голову.

– Да что ты творишь?!

Блондин обернулся. Увидел кактус и вдруг направил на меня потоки воздуха, пригрозив:

– Не вздумай его трогать.

Меня впечатало в невидимую стену, с другой стороны которую лизал все более рыхлый туман. Нельзя... Здесь лучше не применять силу. Еще немного – и грань лопнет, и тогда нам не отделаться одним лишь вырванным кактусом. Каждый сет миара держится вот на таких лживых объектах, словно вода в купальне. И стоит вытащить пробку, нас вместе с содержимым по сточной трубе выплюнет в точке входа.

Но недоумок этого явно не знал. Прижимал меня колдовством к истончающейся стене, шел навстречу, сверкая сталью глаз, и повторял слова, которые усиливали потоки:

– Морте! Виа морте экенсо!

– Прекрати!

Его волосы начал трепать закручивающийся в торнадо ветер. Полы куртки колыхались. С пальцев срывались новые вихри, соединяющиеся в один – большой и ужасный. С губ срывались одни и те же фразы, которые грохотали на весь сет.

– Морте! Морте! Виа морте!

Нужно помешать. Сейчас... Немедленно!

С воплем дикой кошки я оттолкнулась от стены, прыгнула на колдуна. Из-за торнадо меня унесло в сторону, однако я успела схватить его за рукав. Дернула на себя, развернувшись в воздухе, впечатала его спиной в другую стену.

– Не лезь, дура!

– Сам дурак! – попыталась перекрычать я уносящую звуки стихию и, вывернув руку блондина так, чтобы поток хлынул ему в лицо, рванула к кактусу.

Давай, родненький, рвись с корнем!

Под озверевшее «Не-е-ет» я дернула растение на себя, но нас не выбросило из миара. Этот сумасшедший повалил меня на землю. Мы покатались. Торнадо, уже никем не контролируемое, билось о прозрачные грани сета, колыхало столпившиеся за его пределами деревья. Наверное, я вырвала кактус не полностью. Вскочила, ринулась туда, но ополоумевший блондин или, вернее, блондинистый ополоумок снова повалил меня и придавил своим телом сверху.

– Отпусти!

– Не рыпайся, сумасшедшая!

– Слезь с меня, тупоголовый квох!

Он вытянул в сторону руку, однако выпущенная им сила уже набрала самостоятельную мощь, не поддавалась контролю. Нас подхватило, понесло по кругу. Я вырывалась, он прижимал к себе, сдерживал.

– Отпусти, иначе застрянем здесь!

– Вот именно, застрянем! – прорывал он перед моим носом и снова выставил руку.

Нас вертело, ветер бил в лицо. Черная куртка закрывала обзор. Я вырывалась, пыталась перенаправить его потоки, наблюдая, как черточки тиков, окольцовывающие цепкие мужские пальцы, быстро растворялись – резерв пустел. А мой... Я никогда не позволяла ему наполняться, потому зашла в миар почти с нулевым запасом.

Очередной рывок. Я ухватила за траву, почти освободилась. Увидела развороченную землю, пляшущий по воздуху кактус. Выловила его. Начала обламывать колючки, сжала мякоть. Та просочилась сквозь пальцы, капельки устремились вверх. Я потянулась к оставленному корню, нащупала его.

– Утомонись уже! – развернул меня блондин, и с хрустальным звоном лопнула грань.

Миар увеличился, нас понесло вверх. Но не успело торнадо выплюнуть двух неумех, неспособных справиться с новорожденным сетом, как миар перевернулся. Его встряхнуло, будто заброшенный на коня мешок, а потом нас выкинуло на белый мрамор с проступающим на нем рисунком черных линий.

– Вот они! – к нам подбежали люди.

– Рогзи вас побери, Шай! Что ты творишь?

– Вариэсс Шай изн Гальтон! – от стеклянных стен куполообразной комнаты отразился гневный голос шагающего к нам аристократа, явно обладающего огромной властью. – Как ты посмел нарушать пределы?

Блондинистый недоумок мазнул по мне взглядом, полным ледяного презрения, выпрямился, сжал губы.

– Арестовать! – тем временем приказал мужчина. Я запоздало подумала, что нужно отвести взгляд, но не смогла оторваться от белесого шрама, который рассек бровь, щеку, губы, подбородок. Кто его так? – Накажите по всей строгости закона, не давая никаких поблажек. А это кто? – обратил он внимание на меня.

– Была с принцем, – отчитался бородач в белой рясе, перед этим протянув мне руку, чтобы помочь подняться.

– Обоих наказать! – приказал мужчина со шрамом и зашагал прочь.

– Погодите... – сделала я шаг за ним.

– Не надо, – потянул меня назад мой внезапный сторонник. – Правителю лучше не перечить.

– Ах, вот оно как, – прошептала я и, позволив подоспевшим стражам правопорядка завести мне руки за спину, последовала за Шаем.

Глава 2

– Посидите пока тут, скоро за вами придут, – выдал жандарм, позвякивая ключами.

Металлическая дверь закрылась почти перед моим носом. Я положила ладонь на холодную поверхность. Осмотрела каменный мешок с одним маленьким оконцем у потолка.

Вот и поступила в академию. А ведь по плану должна была встретиться у городских ворот с доверенным лицом, получить от него необходимую информацию и какие-то документы, которые помогли бы мне стать учащейся престижного заведения. Зато мое отсутствие Хавиен ди Сорг растолкует как нежелание ввязываться в опасную игру. Посчитает слабачкой! В общем, миссия провалена на корню.

– Не подсказешь, за что нас сюда... – я запнулась, увидев, как мой сокамерник выплывает на свет.

Взгляд прямой, пронзительный, губы поджаты, на виске пульсирует жилка. В скудном освещении он выглядел жутко. Да я от вида диких кошек так не пугалась, хотя стоило бы, как от приближения этого... кхм, Шая. Белые полосы расчертили его породистое лицо, добавили тени под глазами, под носом, превратили в зловещее существо, являющееся людям в ночных кошмарах.

– Придется наказать тебя, – еще и голос низкий, хриплый до покалывающего морозца вдоль позвоночника.

– Наказать или выместить на мне злость? – отступила я к стене, но не позволила себе поддаться страху и быстро сообразила, что мне не осталось места для маневров. Юркнула в сторону. – В тебе говорит бессилие. Ты не смог отстоять свою правду перед... родственником. Тот мужчина твой родственник, верно?

Блондин надвигался. Будь у него на пути преграда, раскидал бы ее взмахом руки и пошел бы дальше. Но преграды не было. Ничто не мешало ему добраться до своей цели, то есть меня.

– О-о-о, не надо! – выставила я вперед руку. – Давай по-хорошему. Меня зовут Ами.

– Мне не интересно имя бродяжки, – с пренебрежением выплюнул он, неотвратимо приближаясь.

Я увернулась от захвата, переместилась ему за спину. Передернула плечами, все же понимая, что меня почти поймали. С таким противником опасно шутить.

– Сам ты бродяжка, – выдала я как можно более бесстрашно, хотя получилось слабо, неуверенно.

Шай громко усмехнулся, повернул голову. Прошептал:

– Иди сюда.

Тело сковали колдовские нити. Я дернулась, обмотала одну вокруг пальца. Не собираясь поддаваться притяжению, сделала шаг навстречу и уперлась ступнями в ледяной пол. Попыталась сопротивляться, но наследник дернул на себя. И только я подумала, что вот-вот врежусь ему в грудь, как он отступил в сторону и позволил рухнуть вниз, прямо к его ногам.

Перед глазами появились зачарованные ботинки из невероятно дорогого материала. Я впилась в них взглядом, с рычанием выдохнула.

– Так привычнее? – вскинула голову, подавив злость. – Любишь, когда перед тобой другие валяются?

– Слишком болтливая, – поморщился он, и мой рот запечатался очередным мудреным колдовством.

Шай скользнул по мне оценивающим взглядом. Я подтянула к себе ногу с порванной штаниной, открывающей вид на икры. И туника толком ничего не скрывала, выглядела потрепанной и была в нескольких местах дырявой. Да, неудачный поход. Кто же знал, что у Красных скал водятся дикие кошки. Правда, теперь их и вправду там нет.

– Хм, – вторил он своим мыслям и повернулся на звон ключей.

Скрипнула дверь. Пришли не за нами, а за кем-то по соседству. До нас долетели громкие приказы поторапливаться, прозвучали шаркающие шаги.

Я воспользовалась заминкой, дернула за воздушную нить. Та лопнула, почти свалилась на пол, но тут же оказалась накинута на наследника. Рывок на противника, уклонение от выпущенного колдовства, молниеносная атака с целью связать и обездвижить.

Он подобной прыти не ожидал, а потому вскоре оказался на полу, скованный своей же нитью. Я же начала ощупывать свое лицо в поиске краев наброшенного на меня кляпа. Обнаружила, подковырнула, сбросила.

– Как тебе удалось?

– Не понимаю, о чем ты, – покачала я головой и сдержалась, чтобы не пнуть гада в бок.

Даже ногу занесла, но тот вдруг освободился, сделал подсечку и, лихо вцепившись в мое запястье, вскоре оказался сверху.

– Брыкаться вздумала?

– А если и так? – выгнулась я, но не смогла его сбросить.

Подняла голову, сокращая расстояние между нашими лицами, прищурилась, чтобы придать своему виду нотки сумасшествия.

– Бойся меня.

– Было бы чего, – не оценил Шай.

– Чего?! – задохнулась я. Он меня даже за человека не принимал?! – Тебя твое высокомерие не душит? Взлетело до небес, а сам болтаешься на нем, как бедолага-висельник. Смотри, не сдохни под тяжестью собственного веса.

Наследник хмыкнул, придавил меня, что слезы брызнули из глаз. Я завопилась, попыталась скинуть с себя тяжелое тело. А ведь худой, откуда столько массы?

– Слезь, – прохрипела я.

Дверь совсем не вовремя отворилась. Колдун мигом перекатился, встал и сделал вид, будто здесь ничего особенного не происходило. А если жандарм и стал свидетелем чего-то неподобающего, то явно ошибся, ведь наследный принц Надмирии не опустится до того, чтобы прикасаться к бродяжке и уж тем более, пфф, разговаривать со мной.

Я хмыкнула, по достоинству оценив вид блондинистого аристократа. Поднялась. Отрянула тунику, ставшую похожей на половую тряпку.

Жандарм выгнул бровь, мол, а смысл отряхивать, Шай же и вовсе соорудил равнодушную гримасу. Я сразу заметила в нем эту гнильцу.

– Следуйте за мной, – довольно вежливо попросил колдун в униформе.

Мы двигались по бездушному серому коридору с темнеющими дверьми камер, затем вниз по лестнице. Зашли в каменную комнату с зеркальной стеной.

По центру стоял квадратный стол. Четыре стула. Один уже занимал грузный мужчина с волевым подбородком, в ожидании нас откинувшись на спинку.

– Так-так, – оживился он, едва мы зашли. – Какая интересная встреча.

Не дожидаясь приглашения, Шай занял место напротив него. Принял важную позу, начал деловито постукивать пальцами по столешнице. Меня же пришлось жандарму подтолкнуть, чтобы не стояла.

– Вариэсс Шай иэн Гальтон, наследный принц Надмирии, студент пятого курса Нааринской академии, самый молодой победитель турнира по сетариаллам и главный претендент на прохождение Лабиринта. Я ничего не упустил?

– Про искажающие нити забыли, – надменно подсказал блондин.

– Точно-точно, – не без иронии согласился спрашиватель, – миары связаны, искажения предотвратимы, слышал, но не впечатлен. Теоретиков сейчас, как рогзи в дождливую погоду,

нам бы что-то годное на практике. Действенное, так сказать. А вы? – обратился мужчина внимание на притихшую меня.

– Я?

– Кто вы такая?

– Эм-м-м, считайте, никто, обычная аиса, – нервно дернула я плечом и посмотрела на увешанного словесными титулами Шая. – Так, Ами, кочевница.

– И что же вы, Ами-кочевница, забыли возле столицы?

– Шла.

– Просто шла?

Жандарм так посмотрел, будто собрался душу вытряхнуть. Даже сердце замерло, боясь выдать бедную меня.

– Да, просто шла. Послушайте, а не могли бы вы рассказать, за что меня... нас под стражу и в камеру, а?

– Законов не знаем, кочевница Ами, нехорошо, – недовольно покачал он головой. – Руки!

– Что руки?

– На стол положите руки, изучим.

– А можно без изучения? – дергано отозвалась я, лихорадочно проверяя резерв и сбрасывая излишки.

– На стол! – приказал спрашиватель, и я плюхнула на серую поверхность левую.

Ойкнула, спрятала, достала правую и вдобавок улыбнулась с чистой невинностью. И ресничками захлопала.

– Обе, – снисходительно пояснил жандарм.

– А-а-а, – улыбнулась я и протянула вторую руку, мысленно приказывая сердцу громко не стучать. Услышат ведь, тихо!

– Полпальца, – озвучил свои наблюдения жандарм и посмотрел на второго, который записывал.

Я прикусила внутреннюю сторону губы. Рогзи, это много! Не успела скинуть все. Нужно было четверть или вообще один тик оставить.

– Лицензия у вас, Ами-кочевница, есть?

– Какая лицензия? – искренне изумилась.

– На тики.

– С каких пор на них нужна лицензия? Я родилась с силой!

– Поздравляю, – склонил голову набок спрашиватель, изучая меня. – Не всем так повезло.

Однако нам нужно знать ваш точный уровень, предрасположенность к какой стихии имеется, особые способности, навыки, скорость восполнения, уровень знаний.

– Зачем?

– Может, вы редкий колдун-менталист, завербовать хотим. У нас как раз нехватка кадров.

– Издеваетесь? – поняла я. – Не хочу я раскрывать свои способности, – спрятала ладони под локтями, сложив руки на груди.

– Что-то скрываете?

– Нет.

– Тогда определим на замер, – повернулся он к молчаливому жандарму, чтобы тот поместил. – Ладно, пошутили и хватит. Теперь к делу.

Я начала нервно потирать пальцы у оснований – там, где у нормальных людей отображались заполненные силой тики, но у меня обычно были пусты. «Так надо», – вечно повторял шойн. Людям не следует знать твой настоящий резерв, опустошай его. Недооцененный противник опаснее злейшего врага, ибо не знаешь, что именно он воткнет тебе в спину.

– Вы открыли новый миар, что в сложившейся ситуации может привести к катастрофе, – тем временем продолжал спрашиватель.

– Каждый день по всему миру открывается столько миаров, что вам не сосчитать. И вы решили наказать нас за это?

– Кочевница Ами, почему вы здесь?

Я посмотрела на писаря, на безучастного Шая.

– Как вы выбрались, уточню вопрос.

– Знаете, если бы один колдун не начал...

– Нас насильно вырвали из миара, не позволив закончить уничтожение сета, – перебил меня наследник.

– Вот оно как, насильно вырвали. Нам передали сведения, что миар разросся. Десять стабильных сетов.

Ого, десять! Я поморщилась, представив, насколько большим стал тот миар, и кинула косой взгляд на виноватого во всем аристократа. Уверен в себе, спокоен. Да он по-прежнему считал, что в той ситуации действовал правильно.

– Я уничтожил бы!

– Конечно-конечно. С вашим резервом и не столько сетов можно взорвать.

Я попыталась рассмотреть пальцы блондинистого наследника, но под столом не удалось ничего увидеть. Правда, он заметил мое внимание. Удивленно выгнул бровь, явно не поняв предмет моего изучения. Да я смотрела не туда! Пришлось фыркнуть и отвернуться.

– Однако теперь нам придется потратить силу, бесценное время на предотвращение разрастающегося по вашей вине миара, будто своих забот мало, – продолжал спрашиватель.

– Так пошлите меня.

– Пошлем, обязательно куда-нибудь пошлем. Увы, у твоей соучастницы нет лицензии, потому отправлять на зачистку сетов мы назначить ее не можем.

– Она тут при чем? Справлюсь без этой.

– Как же, в искажение попали вы оба. И по словам Кираана Баглеза из не менее уважаемой семьи, чем ваша, попали за грань вы именно из-за кочевницы.

– Я защищала детей, – вцепилась я в стол.

– Каких? Свидетель говорит, что вы на дороге были одна и напали на принца.

– Забавно. Такой весь титулованный, а на него удалось напасть, – фыркнула я и упрямо откинулась на спинку стула. – Еще скажите, что я на жизнь его покушалась, будто делать мне больше нечего, как бросаться на всяких наследников.

– Так зачем вы прибыли в столицу, запомятовал я, – с заинтересованным видом оперся на стол спрашиватель.

– А кто сказал, что я именно в столицу пришла?

– Просто гуляли по натянутому пути.

– Гуляла. Что нам, кочевникам, еще, кроме как гулять по Путям, делать? У вас тут за одно прохождение через ворота ого-го сколько тиков сдирают.

– Значит, решили попасть в Наарин обманным путем. Эдар, пометь, чтобы Ами-кочевнице выписали штраф за неуплату налога.

– Эй! Это нечестно!

– Есть претензии? – вмиг посуровел спрашиватель, напоминая о своих возможностях вообще упрятать меня за решетку.

– Нет, – прикрыла я рот. – Все заплачу.

– Чем? У вас всего полпальца – десять тиков. Вход плюс штраф будут стоить пятнадцать. На обновление резерва уйдут сутки.

– Что-нибудь придумаю, – пробурчала я, мысленно давая себе тумаков.

Кто меня вообще за язык дергал?

– Что, если не секрет? Очень уж интересно, как вы будете расплачиваться. В столице имеется родня? И желательно было бы узнать цель визита. Вдруг вы мятежница, явившаяся подорвать власть, и начали с нападения на принца.

– Никакая я не мятежница, – пробурчала, глядя вниз, боясь выдать себя.

Пусть ею не была, однако, судя по рассказу Хавиена ди Сорга, являлась принцессой – единственной носительницей крови древнего правящего рода. Стоит им об этом узнать, и я не отделаюсь штрафом. Меня убьют, как убили всю мою семью: маму, тетюшку, кузин, брата... В ночь Трех Белых лун погибли многие. О ней рассказывали шепотом, как напоминание о кровожадности и вероломстве нынешнего правителя, предавшего друга.

Я замкнулась, теперь отвечала на вопросы односложно, понимая, что нужно быть осторожнее. Везде враги. Я в клетке с дикими кошками, которые примерялись к жертве, пока лишь изучая ее.

– Эх, Ами-кочевница, почему вы не хотите сотрудничать с нами, все из вас вытягивать нужно? Позвать менталиста?

Я дернула плечами, продолжая смотреть перед собой. Они не сделают этого, не станут тратить столько ресурсов ради какой-то кочевницы в разодранной тунике. Просто не нужно подавать вида. Словно мне нечего скрывать. Я подняла глаза.

– Зовите.

Спрашиватель цокнул языком, повернулся к Шаю.

– Орнанс Диэнсо изн Гальтон, наш всеми любимый правитель и по совместительству ваш отец, посоветовал наказать вас по всей строгости закона, чтобы народ понял, что никому нельзя нарушать установленные правила, будь то обычная кочевница или наследный принц. Показательный случай. Подходит к концу цикл, сила нестабильна. Искажений все больше, не говоря уже о ежедневно появляющихся миарах. Это угроза для нас, особенно сейчас. Пока не откроется Лабиринт, ситуация не станет лучше, однако мы делаем все возможное, чтобы искажений не было в городах и они оставались за их пределами.

Спрашиватель удостоил меня взглядом. Еще раз цокнул языком.

– Обычно за подобное нарушение предписан штраф, но здесь особый случай. Пятьсот часов исправительных работ.

– Вы в своем уме? – впервые оживился Шай, до этого демонстрируя пример невозмутимости.

– На двоих! – припечатал жандарм.

Я ошарашенно посмотрела на наследника, потом на писаря, который усмехнулся уголками губ.

– Это не в ваших полномочиях, – заявил блондин.

– Считаете? – Лицо спрашивателя настолько посуровело, что мне стало не по себе, а вот на Шая не действовало.

– Ваша задача – задавать вопросы и помечать ответы. Выводы делают судьи, а не... мелкие подчиненные.

– Тысяча, – грозно ответил жандарм и поднялся, демонстрируя военную выправку. – Пометь, Эдар. Тысячу на двоих, отработка только вместе, иначе не засчитывается. Пометь, чтобы судьи знали, какое решение принимать.

Я едва не взвыла. И кто его за язык тянул? Надменный болван!

Шай подскочил настолько резко, что стул отъехал, но, покачнувшись, не упал. Наследник прожег колдуна взглядом. Оперся руками на стол. Я сжалась, предчувствуя очередные неприятности.

– Считаете, что заручились поддержкой моего отца и потому вам все можно? Не слишком ли самонадеянно, спрашиватель? Таких, как вы, он проглатывает не жуя. Я, к примеру, другой, обычно наслаждаюсь самим процессом.

Шай красноречиво усмехнулся, выпрямился. Одернул рукава, поправил ворот куртки и обвел присутствующих взглядом.

– Это все? У меня дела.

– Если думали запугать нас...

– Так все или еще что-то? Я и без того долго ждал, пока вы разберетесь с этой.

– Пока свободны. Эдар проводит вас, вернет вещи и выдаст расписки.

Во что я вляпалась? Меня не отпускал этот вопрос вплоть до момента, пока нас не выпустили из здания жандармерии. Шай поморщился, засунул руки в карманы и посмотрел на меня.

Я нервно потопталась на месте.

– Бродяжка, иди-ка сюда, – голос наследника наполнился вибрацией, заставляющей все клеточки тела ощериться в предчувствии надвигающейся угрозы.

Стало неуютно под взглядом серых глаз. Я сделала шаг назад.

– Не надо меня запугивать! Сам виноват, нечего было рот открывать, когда не просят. И вообще...

– Доигралась, – сделал он пасс рукой, применяя силу, а я побежала.

Глава 3

Я понеслась вниз по ступеням, свернула в ближайший переулок. Меня нес вперед липкий страх оказаться пойманной наследником, выбравшим цель для вымещения злости, коей оказалась я. Казалось, такой не станет церемониться. Отыграется на попавшейся под руку простушке, неспособной нормально постоять за себя. Хм, наивный.

Но слышала я мудрость, что красиво пятки сверкают лишь у того, кто побежал вовремя.

Через несколько кварталов я позволила себе замедлиться и даже остановиться. Согнулась, упершись ладонями в колени, перевела дух. И надо ведь было напороться именно на наследного принца!

Взгляд заскользил по аккуратным каменным домикам-близнецам. До меня долетел аромат свежей выпечки, во рту образовалась слюна. Мимо проществовали благородные дамочки с зонтиками, учитывая, что погода была ясной и дождя не намечалось.

Я пожалала плечами. Столичные причуды сложно понять, да и не хотелось. Мне поесть бы, найти дорогу к воротам, а там встретить нужного человека. Вдруг удастся вернуться к первоначальному плану?

Засунув руку в сумку, перекинутую через плечо, я достала припасенный кусок вяленого мяса. Вгрызлась в него. Всмотрелась вдаль, пытаюсь определить, в какую сторону идти, проследовала за направлением движущихся сверху по натянутым канатам вагончиков. Наметив путь, развернулась и врезалась в пахнущее чем-то сладким облако фатина, которое плюхнулось на мостовую.

Оно противно завизжало тонким девичьим голосом. Показались руки, зашевелились туфельки. Отступив, я разглядела подобие головы, обрамленное шапкой золотых кудрей.

– Она напала на меня! – не смолкало розовое нечто. – Поймайте ее! Неме-едленно!

Тонкую ткань платья трепал ветер, поднимал ее, бросал в лицо. Девушка отбивалась как могла, отмахиваясь ладошками. Сражение шло не на жизнь, а на смерть.

– Не нападала я, – отстраненно произнесла, наблюдая за неравной борьбой. – По сторонам смотреть нужно и одеваться удобнее.

Обладательница розового облака все же смогла справиться со слоями ткани, придавила их руками. Одарила меня взглядом бешеной квохи и дунула на упавшую на лоб прядь.

– Так же, как ты? – поинтересовалась она презрительно. – Нацепить на себя дырявый мешок и бегать босиком по Наарину? Кто впустил в город оборванку?! Твое место на Путих, нищенка!

Она выставила вверх ладонь, поднялась с помощью подроспевшей служанки, приказала ей почистить наряд. Встретив недоуменный взгляд, впечатала в грудь помощницы сумочку и сама призвала силу. Волосы тут же легли ровно, завиток к завитку. Наряд из распушенного облака превратился в многослойное платье, подчеркивающее тонкий стан его обладательницы. Мило.

– С тебя сорок тиков, босоногая, за причиненный ущерб.

– А резерв не треснет?

– Миль, выпиши долговую расписку.

– Ты сама на меня налетела, – начала отступать я.

– То есть я недотепа?! Миль, добавь еще пять за гнусное оскорбление. Следовало бы все тридцать, но я сегодня в хорошем расположении духа, ведь сегодня встреча...

Сжав в кулаке недоеденный кусок мяса, я решила ретироваться с места «преступления». Подумала, что вряд ли меня отпустят и, вовремя обернувшись, заметила потянувшиеся ко мне водные потоки. Пригнулась, отскочила. Под крики дамочек, внезапно оказавшимися мокрыми вместо меня, юркнула в толпу и вскоре спряталась в цветочной лавке.

Что за день-то такой? Ни минуты покоя.

– Вам что-то... – запнулась на полуслове пышнотелая хозяйка и, позвав кого-то по имени Горги, потянулась за чем-то явно опасным в недрах прилавка.

– Прошу, не надо. За мной... Эм-м-м, это не то, что вы подумали, – выставила я вперед руки под вытягивающееся лицо женщины.

Ладони грязные, в земле, с въедливыми пятнами желтого кактуса. После торнадо в миаре я не успела отмыться. Так и ходила чумазой. Неудивительно, что на меня сейчас смотрели настороженно и с подозрением, будто я собралась обворовать их.

Решив не наживать себе новых проблем, я выскочила из лавки и на этот раз побежала по улицам, выбирая безлюдные места. Вряд ли я встречу здесь адекватных персон. Горожане, что с них взять?

В одном из переулков мне удалось перевести дыхание. Я прижалась спиной к стене, достала из сумки флягу с водой, кое-как отмыла руки и лицо, сделала пару глотков. Почувствовав себя освеженной, отыскала среди вещей еще вяленого мяса и сунула в рот.

Вечерело. Крыши домов блестели в лучах закатного солнца. Я чувствовала себя потерявшейся в бесконечном каньоне с узкими проходами-лабиринтами. Дома, одни дома. Сначала каменные, высокие, ухоженные, потом деревянные, иногда покосившиеся, старые. Везде гудит, громкие звуки, резкие голоса. Вокруг творился хаос. Все куда-то шли, не замолкали. А от обилия цветов уже рябило в глазах.

Мне следовало поторопиться. Подавив внутреннее раздражение и неясную тревогу, я вынырнула на затянутую сумерками улицу и через несколько минут добралась до главных ворот Наарина.

Перекинутый через глубокий ров мост уже поднимали. Механизмы трещали. Щелка, через которую еще был виден закрепленный путь, становилась уже, пока вовсе не исчезла.

Опоздала!

На широкой улице было тихо. В ближайших домах загорались огни. Откуда-то доносилась музыка и взрывы смеха. По капле приходило осознание, что я здесь одна, без помощи и поддержки, без вечно надоедающего наставлениями шойна, среди кишящего людьми города с совершенно другими взглядами на жизнь. Оседлые. Неповоротливые истуканы, обосновавшиеся на одном месте.

Каждый выбирает свой путь, мне мой навязали. Я выросла на Путиях, стала кочевницей, не зная другой жизни. Ходила в рваном, если не имелось другой одежды, мерзла, изнывала от жары, задыхалась от пыли и боролась с хищными рыбами. Это было привычным и, казалось, правильным, словно иначе нельзя.

Теперь же все затихло. Нет, не звуки – их оказалось слишком много. Окружающие меня сегодня люди вели себя иначе. Улыбались, в их глазах не притаился страх вот-вот попасть в искажение или встретить дикое животное. Они ходили прямо, не оборачивались, чтобы проверить, не подкралась ли сзади опасность, перемещались непривычно медленно и по прямой.

– Это она?

– Похожа, да. Держи ее!

Я заозиралась. Не нашла никого возле себя и резко поняла, что имели в виду именно меня. Спихватилась, заметила летящую сверху мерцающую плетъ, но не успела увернуться. Кожу обожгло. Я зашипела, завозила в колдовском плетении, с трудом не упала.

– Попалась, беглянка, – оказался рядом жандарм.

– Уберите колдовство, жжет же.

– Ничего подобного, это новейшая формула – огненный кокон, который не оставляет ожогов. Не притворяйся.

– Ай, бо-ольно!

– Орон, убери, она не врет.

Колдовство спало. Вечерний воздух скользнул по поврежденным участкам кожи, остудил. Я посмотрела на красные ладони, стиснула зубы, сжала кулаки, делая себе только хуже, но тем самым напоминая, что никогда, рогзи вас покусай, никогда нельзя терять бдительность. Засмотрелась на дома, называется.

– Причина? – вскинула я голову на молодого жандарма. – За что вы накинули на меня огненную плеть?

– Это не плеть. Обычный сковывающий кокон, и он безобиден, только чтобы остановить. Я читал... – почесал затылок мужчина и посмотрел на напарника в поиске поддержки.

– Нам приказано задержать девушку в порванной тунике, – заговорил второй, попутно проверяя улицу и ворота. Поставые, вот они кто. – Высокая, худая, лицо вытянутое, подбородок острый, глаза карие, большие, нос тонкий, прямой. Волосы черные, заплетенные в толстую косу. Скорее всего, должна попытаться сбежать из города. Ты подходишь под каждый пункт описания.

– И сумка с длинной лямкой через голову, – закивал первый.

– Идем, – поставые подхватили меня под руки с обеих сторон и повели к уже закрытым воротам. – Скоро за тобой придут, а пока посиди тут.

Поставые усадили меня в каменную будку с квадратным окном, заперли дверь. Сами заняли свои места для несения службы.

Не так я представляла себе посещение столицы. По словам Хавиена ди Сорга, которого я отыскала довольно быстро, едва покинула раскинутый на Холодном Пути лагерь, в первый же день меня должны были принять в академию. Короткий разговор с ректором. Прощение взять на учебу на вольную программу с урезанными часами и лишь базовыми предметами, достаточными для того, чтобы стать полноправной колдуньей Надмирии. Его согласие. Договор на отработку. Там жилье, пища. Относительный комфорт, хотя для меня, частенько спавшей на земле, это не являлось главным.

Планы на то и планы, чтобы рушиться. Если составляешь их, то сразу бери в расчет, что им не суждено сбыться.

Я сложила руки на груди, уселась поудобнее. Закрыла глаза. Подремать, что ли?

Главное, пока не думать... Сегодня просто неудачный день всего-то. Завтра будет лучше! Не думать о миаре, о принце, не думать о тысяче часах... Не сейчас, как-нибудь после.

Жандармы изредка заглядывали ко мне, проверяли. Посмеивались, наивно думая, что сплю и не слышу их. Они обсуждали меня, обсуждали случившееся у городских стен, обсуждали наследника и шептались о его отце. Поставые боялись правителя. Их выдавал тон, подобранные слова, интонации. Да, точно боялись, но уважали ли?

– Где девушка?

– В будке, спит.

Я подумала, что можно сыграть на неожиданности. Ударить. Как-нибудь нейтрализовать одного-двух человек и вырваться на свободу. Но ворота закрыты, я отрезана от Путей, потому не смогу скрыться. Бежать в город и затеряться среди улиц? Тысяча часов... нужно ли мне это?! Здесь царили свои правила, которым, как бы ни прискорбно было это признавать, придется подчиняться. Если, конечно, мотивации хватит. У меня ее пока хватало. Я хотела довести начатое до конца, чтобы... понять, чего стою. Шойн неправ. Я справлюсь. Должна справиться!

Свержение правителя, занимающего свое место уже шестнадцать зим, по моему скромному мнению, не имело смысла. Хавиен ди Сорг утверждал, что при моем отце было лучше. Наша кровь сильна – Дарианы обладали особым даром, благодаря которому искажений становилось меньше. В чем именно заключалась суть этого дара, он не знал. И я не знала. Однако ему и его единомышленникам крайне важно было пошатнуть власть и поставить на верхушку кого-то другого. А для этого нужно пройти Лабиринт, добраться до последнего звена и... дальше

непонятно. Что там, зачем проходить сложную цепочку миаров, почему это должна сделать именно я?

– Эй, – меня потрясли за плечо.

Бить не стала. Открыла глаза, сонно похлопала ресницами да еще потянулась сладко.

– Что, уже? – посмотрела я на знакомого жандарма, писаря. Эдаром вроде бы его называли.

– Ты чего убежала? Мы не закончили с тобой. Еще замер и штраф, помнишь?

Я напряглась, нервно улыбнулась.

– Какой замер? Я согласия не давала.

– Так положено, – словно недалеко, решил объяснить мужчина. – Каждый колдун находится под контролем Смотрящих, даже самый слабый. С кочевниками или странниками сложнее, за ними не побегаешь, к тому же они за пределами, на Путиях, считай, не в Надмирии. Так что идем, я из-за тебя смену не могу сдать. Домой хочется... и жрать охота, – последнее он сказал едва слышно самому себе, словно уже смирился со сложившимися обстоятельствами и приготовился еще месяц не есть.

Я засунула руку в сумку, нащупала завернутое в ткань мясо и протянула голодающему. Мне не жалко. Если растянуть, то запасов на пару дней хватит.

– Что это?

– Попробуйте, вкусно.

– Спрячь и не смей ничего подобного предлагать, – отчитал он громко и добавил: – Шагай за мной, кочевница. Ребята, я забираю ее, спасибо за содействие.

Я пожала плечами, положила сверток обратно, встала. Даже не посмотрев на постовых, последовала за писарем. Думала, сейчас пешком отправимся к зданию жандармерии, однако мужчина вскоре свернул к пустой платформе с ярко светящимся белым фонарем и протянул руку:

– Давай то твое, что вкусно.

– О, передумали?

– Давай уже, раз предложила, – нервно обернулся мужчина, опасаясь, что кто-то заметит нас.

Вокруг было пусто, темно. Силуэты столпившихся вокруг домов настороженно взирали на нас приглушенным желтым светом окон. Тишина накинута на округу свой полог. Зыбкая, готовая взорваться от малейшего шороха.

– Не брезгуете? – не удержалась я от колкости, доставая сверток.

– Попробовала бы ты двое суток не поест с такой загруженностью и не на такое... М-м-м, вкусно.

Я пожала плечом, зацепилась взглядом за опускающийся вагончик. Издавая противный повторяющийся писк, он завис перед нами, призывно распахнул двери и мигнул изнутри голубыми огоньками. Конструкция выглядела не особо надежной. Я не доверяла современным изобретениям, привыкла полагаться на свои ноги, руки... В общем, на себя.

– Идем, не стой.

Не признаваться ведь в собственном страхе. Я помассировала за спиной пальцы, заметила выехавший из панели кабины си-кристалл.

– Здесь платить еще надо?

– Всего тик.

– Дорого.

– Конец цикла, – сказал жандарм, будто это все объясняло, и подтолкнул меня в спину.

Он приложил ладонь к пожирающему силу камню, мерцающая преграда на входе пропала. Я повторила действия Эдара. Почувствовала кожей, как ее проткнули тысячи тончайших игл. Нечто невидимое глазу потянуло на себя мою силу, отобрало. Я отдернула руку и,

глянув на указательный палец, напомнила себе, что теперь у меня должно быть девять тиков. Придется удерживать это количество чуть ли не... два с половиной часа. Сложно! С одним делением намного проще. Использовал – и потом целые сутки «пусто». Здесь же высчитывай, контролируй.

Вагончик тронулся. Сверху затрещало. Я сжала поручень, обреченно плюхнулась на свободное сиденье и посмотрела в окно, уговаривая себя не бояться. Дома стали отдаляться. В опустившихся на Наарин сумерках удалось рассмотреть силуэты крыш. Город постепенно превратился в скопление мигающих огоньков, стал причудливым отражением неба с созданными самой природой далекими пульсарами.

– Красиво, правда? – вторгся в мое наблюдение писарь.

– И покрасивее видала, – сложив руки на груди, оторвалась я от окна.

Мы пересекли центр, несколько раз остановились. Вагончик опускался вниз, к погруженным в полумрак улицам, освещенным чередой фонарей, принимал в себя новых пассажиров, снова поднимался и двигался по натянутому канату. Поездка оказалась волнительной. Мне приходилось напоминать себе, что каждый день люди катаются на этом чуде современности, а потому ничего страшного в нем нет. Подумаешь, скрипит немного. Да, качается. Все надежно и тысячу раз перепроверено. А если упадем... так не упадем ведь!

– Выходим, – оповестил мужчина, и я едва сдержалась, чтобы не выпрыгнуть ужаленной в мягкое место из металлической коробки.

Ноги оказались на земле. Сразу нахлынуло облегчение и согревающее понимание, что мы в кабинку не вернемся. Пусть едет дальше. Без меня!

Мы нырнули в темноту между мрачными домами. Свернули влево, пересекли небольшую площадь и оказались возле жандармерии.

– Я скоро поселюсь здесь, – поднимаясь по ступеням, вздохнул Эдар.

Какая трагедия!

Пришлось придержать замечание при себе. Я зашагала за писарем, прошла через пустой холл, последовала на второй этаж и оказалась в маленьком кабинете.

В голове зудела мысль: «Зачем я это делаю?»

Передо мной легкий противник. Невысокий, темноволосый, утомленный своей жизнью, с плохой физической подготовкой. Писарь на побегушках, не умеющий постоять за себя и потому работающий сверх нормы.

Эдар сел за стол, переложил стопку бумаг на край и, взяв карандаш, указал мне на свободный стул.

– Располагайся, мы с тобой здесь надолго.

– Почему?

– Выписка штрафа, оформление бумаг на тебя... – он зевнул, потер глаз. – Ты нигде не числишься, я прав? Во-о-от, очередная волокита. Зарегистрировать надо, а это, кстати, не входит в мои обязанности. Нужно написать заявление, отправить соответствующим органам, придумать, как в будущем контролировать тебя. С принцем все ясно, а вот ты...

Я не прониклась проблемой. Все происходящее вообще не воспринималось всерьез, уж очень непривычно и даже дико. Получить наказание за то, что мы попали в миар, о таком стыдно кому рассказать.

Я заняла указанное место, сложила руки на груди, привычно пряча от посторонних глаз свои пальцы. Было одновременно тревожно и немного любопытно, к чему приведет эта достаточно смехотворная ситуация. Спешить мне некуда – все равно ночевать негде. Проблем с законом не хотелось и отрабатывать тысячу часов с Шаем тоже.

Что-то подсказывало, что меня ждало отменное «веселье». Оставалась надежда, что наследник оспорит решение жандармов в суде и... хотя бы избавит меня от своего общества, а там посмотрим, как пойдет. Тысяча, если подумать, не так уж много. Хотя нет, все-таки много.

– Еще сбежать надумала, – продолжил монолог Эдар. – Мне уже прилетело за тебя. Шустрая такая! Ладно, – зевнул он в кулак. Достал из выдвижного ящика стола коробочку. Выудил оттуда пластинку, засунул в рот. – Бутесс?

– Нет, спасибо.

– Бодрит на несколько часов. Точно не хочешь?

– Точно.

– Что ж, Ами... Второе имя, имя семьи?

– Ами Роупи, без второго имени, – начала отвечать я на бесконечные вопросы писаря.

Прошло не менее часа, прежде чем он встал из-за стола и, уже десятый раз потеряв глаза, повел меня на первый этаж. Там растолкал коллегу. Прикрикнул раздраженно, сам достал необходимые ключи, попросил меня подождать в коридоре и отправился в хранилище.

– Это явно не мой день, – недовольный вышел оттуда. – Минч, где замеритель?

– Так в академию попросили. У них сломался, а это последняя неделя зачислений, срочно понадобился. Наш вон лежал, пылился.

– Просто отдали?

– Арендовали, – важно поднял палец Минч и кивнул на меня: – Еще долго?

– Думал, что почти закончил, – провел ладонью по лицу Эдар. – Теперь в академию ехать придется.

– Срочно надо? Отправил бы девчонку отдыхать и сам домой бы сходил, третьи сутки уже маешься.

– Было бы куда отправлять, – посмотрел на меня писарь. – Десять тиков резерва, а штраф пятнашка. Кочевница. С нынешними ценами ей или на поесть, или на поспать хватит.

– Да, цены взлетели.

– Ладно, – похлопал жандарм ладонью по столу, – пойдем мы.

И мы пошли.

– Кофе хочешь? – остановился у самого порога Эдар. – Бодрит!

– А что-нибудь не бодрящего нет? Желательно теплого.

Мужчина задумчиво замычал, отпустил ручку и вскоре отпер другую дверь, щелкнул пальцами. Под потолком зажглись пульсары. Из темноты выплыл стол из дешевого дерева, из которого здесь была вся мебель, а еще столешница с навесными шкафчиками, бутылка с водой.

Эдар достал кружки. Кивнул на стул, мол, садись, не стой. Вскоре поставил передо мной чай с мятой, по поверхности которого скользил легкий дымок.

– Все равно нас на территорию академии до рассвета не пустят. Есть пирог с какой-то сладкой начинкой, будешь?

– Буду.

Мы неторопливо перекусили. Жандарм завел тему о Путиях, о кошках. Слушал мои рассказы с интересом, иногда с недоверием. В свою очередь я поинтересовалась, почему он так много работал и почти не ел, не спал.

– Конец цикла, – развел Эдар руками, словно это все объясняло. – А у вас это ощущается?

– Что именно?

– Искажения.

– Мы среди них живем. Уснешь иной раз, а проснешься уже в миаре, и на тебя гигантская квоха дышит. Занятное зрелище, говорят, впечатляющее. Главное ведь что? Быстро определить, где ты: там или здесь. Но при чем здесь конец цикла? Это как-то связано с... Лабиринтом, да?

– Раньше попроще было, – вздохнул Эдар, задумчиво двигая пустую кружку. – Я еще помню те времена. Сила не бунтовала, не выворачивалась и не исчезала в пустоту, людям не приходилось... Ох ты ж, заговорила ты меня, Ами, нам пора! – спохватился мужчина.

Я проследила за всполошившимся жандармом. Что именно в сказанном было лишним? Дело в силе или в «раньше попроще было»? И раньше – это когда?

Неплохо бы выяснить, что же не так с силой, почему к концу цикла она бунтует и при чем здесь, чтоб ему неладно было, Лабиринт. Он не выходил у меня из головы. Я примерно понимала, что он из себя представлял, но раз за разом задавалась вопросом: чем он важен?

Оставив на столе кружку, я двинулась за Эдаром. В теле чувствовалось напряжение после бессонной ночи, однако энергии для нового дня хватало вполне. Главное, чтобы не было новых потрясений. Прогулка к академии, замер и...

Замер!

Я остановилась. Помассировала зудящие пальцы. Если не удастся удержать контроль над силой, если они определяют мой настоящий резерв, если как-то узнают о даре моего рода, то мне придется худо. Плохо, как же плохо!

– Давай уже скорее со всем закончим. Может, еще домой успею забежать, – вернулся ко мне Эдар и мягко подтолкнул вперед. – Да не бойся, это не больно. Не умрешь точно.

Я подавила нервный смешок. Знал бы он.

– Кстати, в твоей сумке еще вяленого мяса не завалилось?

Я достала новый сверток, протянула жандарму.

– Интересно, чье оно? Квохи, да?

– Человеческое.

Наружу полетело все, что Эдар успел прожевать. Начал плевать. Сдержал позыв опорожнить желудок, а потом посмотрел на меня.

– Смешно тебе, да? Ты пошутила.

– Кочевники суровы. Они не шутят, – с серьезным видом изрекла я и зашагала вперед.

Глава 4

Это было... впечатляюще.

– Все в порядке? – обернулся Эдар, шагающий впереди.

Что ему ответить? Да, жужжащие рога, в полном. Единственное важно, я только что переступила порог столичной академии – самого престижного учебного заведения Надмирии, и оказалась – кто бы мог подумать? – в миаре! В самом настоящем миаре – открытом, стабильном, филигранно соединенном с основным миром, закрепленном краями на стенах трехэтажного здания, снаружи показавшегося слишком маленьким для прославленной академии.

– Как они это сделали? Как такое возможно?

– О чем ты? – не разделял моего оживления жандарм. – Слушай, давай поторопимся. Замер займет от силы пару минут. Мы туда и обратно.

Я сдержала порыв пересечь холл, чтобы выйти и войти заново, прочувствовать. Потухшее искажение, почти стертая грань, мастерски проделанная работа по укрощению, считай, самого опасного зверя человечества, имя которому – миар.

Мне резко захотелось здесь учиться. В пальцах закололо от желания найти создателя или хотя бы книги о нем и узнать подробности основания академии. Это открытие настолько шокировало меня, что я не сразу заметила странность.

Сила прибывала быстрее. Обычно грань отсекала ее ток, отрезала от природного источника. Здесь же, наоборот, тики начали заполняться с впечатляющей скоростью. Наверное, будь у меня десятка верхней границей, то я даже не почувствовала бы разницу.

– Пришли, – оторвал меня от внезапных наблюдений Эдар и постучал в дверь с табличкой «Надзиратель. Оронтон Шаблаи», под которой висела небрежно приклеенная и уже оторванная бумажка.

– Что надо? – появилось в открывшейся щелке заспанное лицо. Хмурый взгляд остановился на мне, перепрыгнул на Эдара и сразу проявился. – О, вы так скоро!

Перед нами показался сухонький мужчина в годах с длинными крючковатыми пальцами и острым носом. Он напомнил мне падальщика, такой же агрессивно настроенный и чуточку мерзкий. И еще улыбка на бесцветных губах пренеприятная.

– Не думал, что ректор пошлет за вами. Эти дети невыносимы, – забренчал ключами Оронтон, закрывая за собой дверь.

– Нам бы замеритель...

– Да-да, – закивал старик и куда-то бодро пошел, периодически проверяя, следуем ли мы за ним. – Идемте же, жандарм! Я сейчас вам покажу, что они учинили. Мелкие хулиганы.

– Уважаемый, мы пришли из-за... – предпринял новую попытку Эдар.

– Идем, идем, – поманил он нас тощей рукой.

Мы с жандармом переглянулись. Не отыскав поблизости никого более адекватного, кому не спится в такую рань, последовали за надзирателем.

– Шастают туда-сюда, приносят всякую дрянь. Но ничего, во время учебы главные двери закроются, и никто уже не сбежит. Я научу их дисциплине!

Светлый холл остался позади. Мы вышли из здания через внутренний вход, миновали вереницу высоких колонн со статуями важных мужчин и одной женщины, каждый из которых держал в руке, скорее всего, олицетворение своего колдовства. Круговорот стихий, пламя на ладони, черно-белый шар и парящий над кончиком указательного пальца колющий пульсар голубого цвета. Во мне зародилось предвкушение. Я смотрела на каменных людей и с опаской думала, что могу стать частью этого величия. Нужно лишь придумать, где найти человека, с которым мы не встретились вчера.

– Вот! – вырвал меня из размышлений Оронтон. – Вы только посмотрите!

Прямо посреди коротко подстриженного газона стояло раскидистое дерево. Высокое, толстое. Древнее! Земля вокруг него бугрилась от корней, темная кора напоминала непробиваемую броню, с течением времени становившуюся лишь прочнее.

Я смотрела на крону и с трудом держалась, чтобы не улыбнуться.

Листья были покрашены в яркие цвета, повсюду висели повязанные ленточки, встречались черные почки, явно неестественного происхождения. Взгляд остановился на заброшенных на верхушку ботинках, скользнул к обмотанному лоскутами ткани стволу.

– Каждый год одно и то же! – пальцем сотрясал воздух надзиратель. – Приходят и гадают, гадают, гадают. Мелкое хамье. Но ничего, двери-то послезавтра закроются...

– А почему закроются? – поинтересовался Эдар.

– Приказ ректора! Лабиринт зреет – это очень важный момент. Поэтому в ближайшие месяцы никто не попадет в академию, но и не выйдет, – едва не захихикал надзиратель, потирая руки. – Теперь в выходные никто от меня не сбежит, будут отрабатывать.

Жандарм помассировал переносицу, недовольно скривился.

– Ректор у себя?

– А как же? Теперь вы увидели своими глазами, уважаемый жандарм, насколько распущенная нынче молодежь, совсем уважения к деревьям Силы не имеет. В мои годы такого никто себе не позволял! Да и академия не принимала всякий сброд с улицы. Невоспитанные, наглые, громкие. Примите строгие меры, жандарм, чтобы наказать хулиганов.

Эдар задумчиво кивнул. Взглянул на настенные часы академии, затем на меня.

– Проведите нас к ректору.

– Конечно, идемте.

Мы зашли обратно в холл, миновали открытую комнату отдыха, по длинному коридору с витражными окнами добрались до двери с вывеской «Ректор. Азиал ди Ронанд».

Надзиратель постучал, повернул ручку. Кабинет остался закрытым. Оронтон недовольно промышчал, закивал нам и с бормотанием о невесть где шатающемся по утрам ректоре повел нас снова к главному холлу.

В поисках Азиала ди Ронанда мы поднялись на второй этаж, попутно посмотрели на мрачные статуи животных, следящих за нами каменными углублениями глаз. Мне запомнились красочные картины на стенах, живописные уголки с цветами и уютными диванчиками. Было в этом нечто милое.

Снова вернувшись в начальную точку нашего пути – все в тот же холл с высокими потолками, на этот раз мы свернули влево и даже обнаружили людей.

В центре большого зала стояла группа молодежи и внимательно слушала низенького мужчину с волнистыми волосами. Вокруг них находились квадраты с желтым песком.

– Ректор! – позвал надзиратель и поспешил к стоявшему возле стены колдуну. – Ректор ди Ронанд, спасибо, что приняли меры. Студентам нельзя спускать с рук их выходки.

– Оронтон, – тепло улыбнулся мужчина, но тут же посуровел, заметив нас.

– Чистой силы, ректор, – обратился к нему Эдар. – Нам нужно измерить силу этой девушки. Ваш прибор сломался, поэтому вы позаимствовали его у нас.

– Да-да, – стал менее хмурым Азиал и указал на рассказывающего что-то колдуна: – Прибор у декана ди Тарта.

Рядом с группой молодежи вспыхнул огнем целый квадрат. Плотное пламя устремилось вверх, но пошло рябью у основания и, выплюнув жалкие искры, потухло.

– Это наглядный пример того, как взаимодействует стихия с чистым потоком бытового колдовства, – донесся до нас голос невысокого мужчины с внушительным разворотом плеч. – Ваша задача: удержать заклинание заданный промежуток времени, подстроиться, укрепить. Неважно, будете ли вы вливать больше силы или задействуете слово, но все должно быть в

рамках выбранной формулы. Что станет помехой, неизвестно. Нужно вовремя заметить изменения и среагировать. Олли Порк, вот вы умелый природник, какой здесь знак силы?

– Бутон красного цветка.

– Верно. Взрастите его.

Студент отделился от группы, встал возле указанного квадрата, выставил вперед руки. Из написанного на песке знака начали появляться зеленые ростки, они переплелись друг с другом, образовали стебель, но не успели перейти в бутон, как снизу потянулись черные щупальца и, заразив не успевшее приобрести конечную форму растение, превратили его в пыль.

– Не переживайте, Олли, это сетариалл с повышенной сложностью. У вас отлично получилось, – похлопал парня по плечу декан и заметил нас.

– Ди Тарт, не могли бы вы к нам подойти?

– Продолжим завтра. У вас велики шансы попасть в команду, – сообщил декан группе молодых людей и вскоре приблизился к нам. – Ректор? Всем чистой силы!

– Я вас жду, у нас очередной, кхм, случай... – отозвался Азиал. – И да, жандарм с этой юной девушкой пришли замерить силу. Помогите им, а после ко мне в кабинет.

– Ректор! – остановил его Эдар. – Мне тоже нужно с вами поговорить. Я слышал, что двери академии послезавтра закрываются, это так?

– Верно.

– Нам нужно решить один вопрос. Ваш студент получил наказание в виде общественных работ из-за открытия десятисетевого миара.

– Еще один... Но в чем, собственно, проблема? – нахмурился ди Ронанд и обвел присутствующих взглядом. – Выпишите распоряжение. Назначим отработку в академии, чем не общественное место? Здесь хватает забот. Верно, Оронтон?

– Всегда хватает, господин ректор, – закивал надзиратель.

– Да, но уже есть предписание, и по нему Вариэссу Шаю иэн Гальтону нужно отрабатывать вместе с этой девушкой, кочевницей, которая не учится у вас.

– Шай не закрыл миар? Не верю! – вступил в диалог декан. – Он в состоянии справиться в одиночку с десятисетовым.

– Как видите, не справился.

– Не справился или ему помешали?

Все одновременно посмотрели на меня.

– Ничего я не мешала! Он сам... – выпалила я, но вовремя закусил губу.

Мои слова не примут в расчет! Если они настолько уверены в блондинистом недоумке, который вместо того чтобы уничтожить сет, наполнял его силой, то утверждения какой-то кочевницы станут для них пустым звуком. Я была в невыгодном положении, чтобы сейчас говорить правду. С одной стороны, лучше не открывать свои знания и умения перед незнакомыми людьми, а с другой – не надо принижать свои достоинства бессмысленными оправданиями перед самим ректором, к которому еще предстоит обратиться с просьбой взять меня в академию. Но это потом, не при посторонних лицах. Еще бы найти того человека, не встретившего меня у ворот.

Декану дико захотелось узнать подробности случившегося. Эдар поэтапно рассказал: вот эта кочевница напала на наследника, толкнула в искажение, иэн Баглез вызвал поисковиков, так как иэн Гальтон не появился через десять минут, а затем служба зачистки вырвала злостных нарушителей из уже десятисетевого миара и отправила на его устранение проверенных людей.

На меня снова посмотрели. Иначе. И нет, не было в их глазах ничего хорошего.

– У девушки нет лицензии на тики, поэтому необходим замер. Прибор у вас, мы пришли за ним и попутно узнали о закрытии академии. Как бы нам решить эти два вопроса? Может, выпишете принцу спецпропуск?

– Исключено, – качнул головой ректор. – Академия будет закрыта для всех. Но давайте обсудим этот вопрос в моем кабинете. Леодрик, отведи на замер.

Мы разбились по двое и двинулись в разные стороны. И только надзиратель остался на месте, смотрел то на нас, то на ректора с жандармом, словно не понимая еще, что Эдар пришел не ради него.

– Так что произошло в миаре? – полюбопытствовал декан.

Я дернула плечами, отбилась общими фразами. Казалось, рассказывать правду не имело смысла. Так бы пришлось обвинять в случившемся принца, а отзываться о самом наследнике при постороннем человеке было не только некрасиво, но и достаточно глупо. Не стоит говорить слов, которые потом обернут против тебя. Молчание порой ценнее самых чистых бриллиантов.

Колдун по-своему воспринял мои невнятные ответы, ужимки. Кинул взгляд на пальцы, оценил мой резерв, сделал выводы. Необразованная, с маленьким резервом, запугана...

Я с невинным видом улыбнулась преподавателю. Проходя мимо квадрата с песком, где недавно пытались сотворить цветок, замедлилась.

– Идем, – поторопил меня Леодрик.

Мы миновали зал, вышли с противоположной стороны, оказались в узком коридоре. Раздевалки, душевые, закрытые помещения. За поворотом мы наткнулись на группу колдунов, и декан заулыбался.

– Почему не расходимся? Ждете меня? Так, секундочку. Ву-уно-о! Где тебя рогзи носят, когда нужен? Ву-уно!

– Да, декан, – выскочил из одной из запертых дверей взлохмаченный мужчина.

Прилизал волосы, по крайней мере, попытался, поспешил к нам.

– Замерь силу. Ну и все остальное.

– Новая студентка?

– Вроде того, – отмахнулся Леодрик и отправился к группе ребят.

Колдун хмыкнул, оценил мой внешний вид: порванную тунику, сумку через плечо и босые ноги. При его взгляде на последние я пошевелила пальцами. Ну да, без обуви, что с того? Так лучше улавливаются потоки силы, легче распознавать искажения, и вообще нужно быть ближе к природе. В академии эта близость, конечно, резко терялась.

– Давай сюда, новенькая, – указал на открытую комнату мужчина.

Разговор декана со студентами стал громче. Они оживленно обсуждали свои перспективы. Преподаватель предупреждал о возможных трудностях, ведь первым курсам значительно сложнее пробиться в основу по сетариаллам, а поэтому всегда оставалась команда новичков.

– В прошлом году выиграли турнир, но большинство участников выпустились, – пояснил Вуно. – Вот он и набирает новую кровь. Развел бурную деятельность. Еще до начала учебы отобрал самых одаренных. Давай руку.

Я помедлила. Начала перебирать пальцами, ощущая тревогу. Контроль, нужен жесткий контроль.

– Не бойся, это не больно.

За спиной студенты разразились смехом. Сердце всполошилось, заглушило звуки, подкатило к горлу. Контроль!

Я вытянула руку, позволила колдуну прикрепить к моим пальцам липучки. Он делал это все с такой небрежностью и скучающим видом, будто за последние дни проверил не менее ста человек. Вот поставил на стол тяжелую серую коробочку, подсоединил проводки. Щелкнул выключателем, зевнул, почесав затылок.

Прибор издал тонкий писк. Первая стрелка побежала по циферблату. Миновала красное деление, остановилась на зеленом, вторая сделала оборот и замерла на белом. А третья, нижняя, сколько бы я ни прилагала усилий, как бы ни брала силу под контроль, устремилась к самому концу шкалы... Я увидела. Он увидел! Дернулась четвертая.

Вуно бросил испуганный взгляд на стоявших возле дверей студентов, сдернул с меня липучки. Посмотрел прямо в глаза.

– Что тут у вас? – обратился на нас внимание декан.

– Уже закончили, – попытался скрыть волнение колдун и, чтобы ди Тарт ничего не заметил, уселся за стол.

Он выдвинул верхний ящик. С серьезным видом достал оттуда наполовину заполненный лист, взял карандаш.

– Сколько у нее?

– Десять тиков, – поспешно ответила я.

– Всего десять, – закивал Вуно.

Декан никак не отреагировал, словно это было само собой разумеющимся. Конечно, у оборванки больше вряд ли будет. Так бы у меня хватило на приличную одежду и хотя бы обувь. А десять... это только на поест. Леодрик предупредил меня, что будет ждать в зале, и ушел вместе с группой студентов.

– Десять, слабовато как-то, – нервно хохотнул колдун, усердно что-то записывая.

Грифель шуршал по бумаге. Мужчина заполнял пустые строки. Когда голоса стихли, достал чистый лист и набросал большими буквами «Уходите! Опасно». Дождался, пока я прочту, и сжег послание прямо в своей руке.

– Сколько всего делений? – спросила я шепотом.

– Двести, – одними губами ответил он и добавил: – Уходите. Не надо.

– Не понимаю я вас... богатеев, – заговорила в полный голос, подозревая, что нас могут слышать. – У моей мамы и десяти не было. Это радость, что я родилась с силой, так дядюшка говорил.

Колдун покачал головой, вручил мне лист. Черкнул пальцами по губам, обещая молчать.

– Мне бы научиться использовать то, что есть, большего не надо.

– Вас декан ждет в зале, – напомнил Вуно, не впечатлившись моим враньем.

Я не сдвинулась с места. Продолжала смотреть колдуну в глаза, интуитивно понимая, что он меня не выдаст. Напряженное молчание. Опаска с обеих сторон. Страх, что наш маленький секрет кто-то раскроет.

– Чистой силы, – попрощалась я с мужчиной и, лишь сейчас заметив, как подрагивают пальцы, вышла из комнаты.

А если бы вместо него был кто-то другой? Если бы в академии не сломался замеритель? Это насколько же мне повезло!

Я обычно не верила в удачу. Лучше полагаться на собственный опыт и силу. Ничего просто так не происходит. Зачастую!

В тренировочном зале никого не оказалось. Я преодолела половину пути до противоположных двустворчатых дверей и невольно остановилась у квадрата с песком, где до сих пор переливалось активированное полуслово.

Полная тишина. Ощущение, будто во всей академии вообще никого не было. Я обернулась, прислушалась. Не различив ни голосов, ни шагов, присела возле края квадрата и запустила в песок пальцы.

Наполняющая сетариалл – вроде бы так его называли – сила отозвалась на прикосновение. Заворочалась, уткнулась в ладонь и отступила, будто пугливый зверек.

Я поднялась. Нужно отыскать декана и с ним отправиться к ректору. Сейчас решалась моя судьба, ближайшее будущее.

Но ведь Леодрик сказал ждать тут!

Не услышав постороннего шума, я ступила в квадрат. Внешняя сила зашекотала ступни, познакомилась со мной. Я продолжала опустошать тики, контролируя каждое свое движение, однако это не мешало мне... пробовать.

Колдовство всегда меня завораживало. Я с раннего детства восторженно наблюдала за странниками – колдунами, выбравшими жизнь кочевников. С их помощью уничтожались искажения, накладывалась защита. Остальные ведь были, считай, без силы. Пустышки, родившиеся с нулевым резервом. Их не принимали в городах, потому как везде взималась плата тиками. Можно, конечно же, отыскать си-кристалл, работать, словно рой взбешенных рогзи, и с пеной у рта доказывать, что ты такой же член общества.

В общем, без силы трудно. Она была всем! Являлась мерой, определяющей твою жизнь. Ты слоняешься по Путям, борешься с искажениями и выживаешь среди диких кошек или спокойно коротаешь дни в защищенном городе и просто платишь каждый день этой самой силой. А она за сутки полностью восполняет резерв.

И сейчас я прикоснулась к ее отпечатку, скромному хранилищу. Должна была пройти мимо, но будто увидела детеныша квохи, милого пушистого зеленоротика, и не смогла пройти мимо, не погладив.

Ростки появились моментально, стоило позвать. Тут же активировался второй поток, агрессивный. Но стоило пригласить его, чтобы поучаствовал в создании, как он активно влился в процесс и наполнил собой увеличивающееся растение.

– Это...

Я вздрогнула, выскочила за пределы квадрата. Декан едва не бегом добрался до меня, расширенными глазами глядя на мое творение, которое, чтоб его рогзи покусали, не исчезло. Стояло, покачиваясь на невидимом ветру. Черное! А должно быть зеленым, с красным бутонem и желтой сердцевинкой.

– Та-а-ак, – с нечитающей интонацией протянул Леодрик и, намертво вцепившись в мой локоть огромной ручищей, потянул меня за собой, – быстро к ректору!

Ой, что я наделала?

Глава 5

– Жалко девочку, – коснулся слуха обрывок фразы, перед тем как мы с деканом, можно сказать, ворвались в кабинет ректора.

– Хочу ее! – заявил с порога ди Тарт, подтолкнув меня вперед.

– Похвально, Леодрик, что ты решил поделиться с нами этой информацией, – не повел бровью Азиал. – У тебя, гм, своеобразные вкусы. Однако давай твои предпочтения не будем делать достоянием общественности.

– Возьми ее, – подвел меня к столу декан.

Тот моргнул. Помолчал, чтобы до его подчиненного дошел смысл сказанных слов, однако ди Тарт будто не слышал себя.

– Ее нельзя оставлять без присмотра. Мне она нужна. Я хочу забрать это... дикое сокровище!

Рука уже болела. Я не вырывалась лишь потому, что была немного оглушена прозвучавшим заявлением. А ведь думала, что колдун решил наказать девушку, сунувшую нос не в свое дело. Представляла, как наплюю на грандиозные планы Хавиена ди Сорга, смирюсь с поражением, ведь уверяла шойна, что со всем справлюсь, и все же покину столицу с ее тысячами часов отработки, высокомерным блондином-наследником, никому не нужными замерами и немного двинутым на голову деканом.

– Дикое сокровище, – повторил ректор и посмотрел на меня, затем на ошарашенного Эдара. – Жалко девочку, говорите? Дайте сюда, – протянул он руку, едва не вырывая врученный мне Вуно лист.

– Она толком не виновата, – закивал жандарм. – Получила тысячу часов из-за гнева повелителя на сына. Так бы отделалась штрафом и пошла по своим делам.

– Десять тиков, мало, – тем временем изучал показания замера Азиал. – Природница, преобладание Света, без дара. Вчера забрали последнее место на вольную программу. Увы, Леодрик, твоему дикому сокровищу придется годик подождать и явиться для поступления пораньше, а не в последние дни.

– Углубленная программа, – уперся ладонями в стол декан. – Это впечатляющий потенциал!

– Десять тиков резерва, Леодрик, ты за нее заплатишь? – махнул рукой на меня ректор. – И если ты забыл, то в этом году обучение в семь раз дороже! Ей на бесплатное не поступить.

– Давай попробуем. Попробуем? – В глазах ди Тарта плясали искры.

– А меня сначала спросить не пробовали? – надоело мне отмалчиваться.

Безусловно, их рвение сделать для незнакомой кочевницы как лучше льстило, однако стоять бедной родственницей и молчать я больше не могла.

– Не дури, – толкнул меня в бок Эдар. – Такое предложение раз в жизни бывает. Увеличишь резерв или научишься изощренному колдовству, за которое будут платить в три раза больше, чем у тебя есть тиков.

– Я понимаю, однако интересы другого человека нужно учитывать, вы так не считаете? Вдруг я явилась в Наарин за лекарством для умирающей матери? Что, если ее жизнь на волоске, а вы своим «не дури» запрете меня в стенах академии и отрежете путь к ее спасению?

– Это правда? – спросил ректор.

– Нет, но вполне могло ею быть.

– Леодрик, твое дикое сокровище не хочет учиться.

– Хочет, еще как хочет, – красноречиво глянул на меня ди Тарт. – Пока не осознает этого, но, помяни мое слово, мы исправим сие недоразумение. Прямо сейчас и исправим, – вновь

схватил он меня за локоть и повел прочь из кабинета, но на выходе произнес: – Внеси ее в список, за сегодня-завтра пройдем вступительные экзамены. Да, девочка?

– Неожиданно, – прозвучало от Эдара, и дверь за нами захлопнулась.

Леодрик остановился возле окна, развернул меня к себе. Опустил тяжелые ладони на плечи.

– А теперь слушай, девочка.

– Ами. У меня имя есть.

– Хорошо, пусть так.

Я хотела еще спросить, почему к другим студентам он обращался с уважением, а мне «тыкал», но решила не вредничать. Вправду, девушка в порванной и слегка грязной тунике уважения-то не заслужила. Впрочем, сейчас нужно соглашаться и делать, что говорят. Пусть считают меня маленьким несмышленным человечком. Цель пока что у нас одна, а там посмотрим.

– Нааринская академия – лучшее, что тебе может выпасть в жизни. Послушай, я видел, что ты сделала с цветком. Твои способности нужно развивать! Ты можешь достичь небывалых высот, дай помочь тебе и лишь направить.

– Я услышала вас, но вы не услышали меня.

– Ами, глупо в твоём положении упрямиться, – сжал мои плечи колдун.

Так-то верно, если бы не одно но... Если позволить сесть себе на спину, то на тебе поедут. Если сбросить вовремя – рядом побегут.

Я убрала его руки, сжала ляжку сумки, распрямилась.

– Вам сложно узнать чужое мнение перед тем как навязывать свое? Может, цветок – это для меня баловство? У каждого человека есть планы и интересы, вы же своим стремлением протолкнуть меня в академию пренебрегаете ими, ущемляете мое достоинство, превращаете из человека в тряпку, не способную желать и мыслить.

– Откуда ты взялась, Ами? – посмотрел на меня иначе колдун.

– Я кочевница, преподаватель. Ами, – повторила свое имя и степенно поклонилась, как это делали странники.

– Леодрик ди Тарт, – протянул он руку и пожал, едва я вложила в нее свою. – Декан факультета Стихийного Преобразования, руководитель турниров по сетариаллам и человек, который хочет поработать с таким уникальным материалом, как ты. Я впервые видел, чтобы агрессивную силу не подавляли, а применяли в создании. Это впечатляюще, девочка.

– Ами, – напомнила я.

– Да, Ами. Прости за излишнюю напористость. Так чего хочешь ты?

– Учиться здесь, – небрежно дернула я плечом и улыбнулась.

Колдун прищурился, погрозил мне пальцем. Как раз в этот момент из кабинета вышел Эдар и направился к нам.

– Держи, – сунул жандарм мне в руки заполненные бумаги. – Если не поступишь в академию, то загляни к нам, подумаем над вашей с наследником отработкой. Она начнется с завтрашнего дня, ректор об этом обещал позаботиться. И да, не забудь оплатить штраф. Удачи!

Писарь устало кивнул, зевнул в кулак, попрощался с ди Тартом и отправился по своим делам. Скорее всего, снова на работу. Бедняга.

– Значит, договорились? – привлек мое внимание к себе декан. – Времени мало, нужно успеть все сдать. На углубленную программу повышенные требования.

– Вы уверены, что справлюсь?

– А куда ты денешься? – похлопал меня по плечу колдун и, вмиг нацепив маску серьезного человека, сказал следовать за ним.

По пути на первый этаж поведал, что мне предстоит сдать пять вступительных экзаменов. На вольную программу брали всех, родившихся с силой, однако мест было ограниченное

количество. Выпускники могли работать подмастерьями, сторожами, простыми создателями, фермерами, убирать улочки или печь хлеб.

– Вольная программа – это база, которую должен знать каждый. Немного истории, теории кристаллографии, общая структуризация миаров и скудный набор предметов по подчинению и контролю силы. Но тебе нужен полный курс, – указал на меня Леодрик и остановился в холле. Хлопнул себя по лбу. – Забыл. Совсем забыл! Ты со своим цветком все мои мысли перепутала. Так, постой здесь, мне надо быстро переговорить с ректором о... случае. Никуда не уходи.

Декан пробурчал что-то под нос и поспешил на второй этаж. Я обвела взглядом просторное помещение, приблизилась к парадному входу для изучения истонченной грани. Пересекла ее. Ступила обратно, не ощутив никакой преграды. Поразительно! Как они смогли закрепить миар?

– Твое место снаружи, босоногая!

Я обернулась. Заметила выпущенную в моем направлении причудливо сформированную волну, отшагнула, позволив колдовству пролететь мимо. Материализованная сила напоролась на грань и расплескалась по полу прозрачной лужей.

– Ты посмотри, какая нахалка, – возмутилась девица.

– По-твоему, должна была на месте стоять? – вышла я на свет и невольно сглотнула, напоровшись взглядом на Шая.

Наследник и девушка в розовом, а как иначе? Вместе, даже в обнимку. Сегодня на ней строгое бежевое платье с длинными рукавами, но достаточно глубоким вырезом, открывающим вид на приятную глазу ложбинку. Он в черном костюме. Идеальная пара! Его рука по-свойски лежала на тонкой талии, губы были возле виска, будто принц только что шептал на ушко своей даме непристойности и смотрел до этого в другую сторону.

Но вдруг появилась я!

Его лицо постепенно приобретало строгие черты. Взгляд тяжелел. Скулы становились острее. Хищник, заметивший добычу!

– Еще и огрызаться смеет! – поразились девушка. – Шай, ты видел?

– Видел, Лорин, все видел, – от его голоса по спине лизнуло холодом. – Бродяжка, а ну...

– Что вы устроили?! – сзади завопил надзиратель, едва ли не бегом приближаясь к растекающейся луже. – Совсем совести нет? Минус пять очков с каждого!

– За что? Это все она! – указала на меня тонким пальчиком Лорин. – Эта девушка хотела продемонстрировать нам свое умение контролировать воду, а вышла лужа. Возмутительное пренебрежение правилами академии. Кто вообще оборванку сюда пустил? Любезный Оронтон, вы же знаете, с каким почтением мы с наследным принцем относимся к вам и вашему труду. Мы не посмели бы осквернять храм знаний!

– Она врет, любезный Оронтон, – произнесла я менее эмоционально. – Сами посмотрите, какая из меня колдунья? Десять тиков резерва, откуда мне взять воду? Для создания стихии из ничего нужно не меньше двадцати. Увы, я даже на такую красивую лужу не способна.

Надзиратель побагровел, посмотрел на Лорин.

– Шутить вздумали, иэн Химэй? Минус десять очков! И уберите за собой, иначе отправлю в тренировочную стены драить.

Мужчина обвел нас сердитым взглядом, развернулся и торопливым шагом скрылся в ближайшем коридоре. Я же не сразу нашла в себе силы повернуться к гадкой парочке. Никто не говорил, что будет просто. Подняла глаза и вовремя отступила, не позволив очередному выпущенному колдовству коснуться меня.

– Опять! Вот я ее сейчас...

– Не надо, – наследник придержал Лорин за талию. – Оронтон не ушел.

Взмахом кисти он испарил разлитую по полу воду, вновь посмотрел на меня и, почти незаметно дернув бровями, словно в напоминание, что встречи не избежать, повел свою

девушку через холл на второй этаж. Я же заставила себя не оборачиваться на них. Попеременно сжимала в кулаки то левую, то правую руку и больше не горела желанием изучить истонченную грань мира. Убеждала себя, что бояться наследного принца не стоит, он не опаснее дикой кошки – жизни меня не лишит. Значит, нужно выбросить из головы его прощальный взгляд.

Не получалось. От одного воспоминания снова и снова по спине бежал легкий морозец, внутри все начинало покалывать от нехорошего предчувствия, а поперек горла вставал тугий ком.

– Тысяча часов, – нервно прошептала я. – Если поделить на двоих, то пятьсот. Все равно много!

Глава 6

В моем представлении экзамены – это нечто грандиозное и пугающее. Строгие взоры проверяющих преподавателей. Гнетущая тишина ученической, нарушаемая шуршанием грифеля по бумаге. А еще страх не вспомнить, сбиться, растеряться на самом важном месте.

На самом деле все оказалось не так впечатляюще. Да дикая кошка, показавшая морду из травы, выглядела более внушительно, чем шесть колдунов, занимающих длинный стол. При этом одним из них был декан ди Тарт.

– Проходите, Ами Роупи, и встаньте сюда. Да, в центр. Нет, чуть левее, – руководил мной еще один присутствующий, тот самый Вуно, проводивший замер. – Будьте добры, ваши документы.

Я передала все необходимые бумаги. Часть мне выдал ректор. Вторую я получила в секретариате, куда отвел меня декан, чтобы сама внесла себя в списки. Если бы не Леодрик, я точно не успела бы до первого экзамена.

– Чистой силы, колдунья, – заговорил мужчина, сидевший по центру.

Квадратное лицо, широкий рот, нос загогулиной и карие глаза... глубокие, полные жизненной мудрости. Такие же глаза у моего шойна. Я всегда терялась под их взором. Чувствовала собственную ничтожность по сравнению с опытом прожитых лет моего наставника.

– Меня зовут Алиагран Бувье, слушайте только мой голос.

Я в непонимании посмотрела на ди Тарта, тот кивнул, но в следующий момент расхохотался и, стукнув кулаком по столу, вскочил.

– Назад!

– Стойте на месте.

– Это ее документы? – затрясла бумагами женщина с собранными в высокую прическу медными локонами. – Только десять тиков. Зачем нам неудачница? Уходите. Отказано! Прочь из ученической!

– Десять? – отозвался еще кто-то.

– На вольную программу закрыли набор. Ты не туда пришла, нужно было раньше.

Шаг влево.

– Назад, сказал! – еще раз ударил кулаком по столу ди Тарт.

– На выход! – указала рукой женщина.

Они говорили все разом. Некоторые голоса сливались в общей массе, другие слышались отчетливо. На лицах живые эмоции, слишком яркие для обычного экзамена простой кочевницы с низким резервом. Были те, что шептали, недовольно качая головой и порицая мой приход. Леодрик и женщина кричали. Присутствовала негромкая ругань, словно я успела разгневать одного из них.

Взгляды, смех, гнев. Голоса. Приказы!

Все по кругу. Они говорили, говорили, говорили. Я терялась в происходящем, пораженно смотрела на них.

Чего от меня хотели? Почему набросились разом и раздирали на части своими голосами, словно падальщики умертвие?

– Прочь!

– Ладно, останься, проверим.

– Иди назад, сказал!

– Чего стоишь? Бумаги забирай.

– Непутевая какая, нам не нужны оборванки. Надоела, выметайся.

Я прижала ладони к ушам и вдруг поняла, что голосов пять. Говорили все, один молчал. Тот самый Алиагран, сказавший слушать лишь его.

Шум нарастал. Теперь все преподаватели подскочили с мест, кричали. Я лихорадочно искала зацепку, словно это была проверка. Нужно лишь обнаружить в общем потоке нужное слово, знак или вообще голос. Колдун ведь что-то еще говорил. Точно! А что?

Взгляды, ругань, истерический смех. Голова шла кругом от внешнего давления. Я пыталась сосредоточиться, отрешиться от творящегося сумасшествия, поражаясь тому, какие несдержанные в академии преподаватели.

Нужна ли мне она тогда? Контролировать, скрываться, поддерживать десять тиков...

Контроль!

Я забыла о контроле и, дернув руки за спину, сосредоточилась на силе. Выпустила излишки и сразу вспомнила.

Подняла голову, сделала шаг влево – и сразу все оборвалось. Это было видение! Преподаватели чинно сидели на своих местах. Двое справа изучали бумаги, второй слева что-то записывал. Вуно стоял возле двери и напряженно прожигал мне взглядом висок. Лишь Алиагран и Леодрик ждали...

– Десять минут, сопротивление очень слабое, но есть, – заговорил преподаватель Бувье. – Потенциал к развитию присутствует.

– Она на бесплатное, – поднял голову крайний мужчина справа.

– Хм, не сказать, что я впечатлен. А для бесплатного обучения в академии нужно именно впечатлить меня.

– Проверь ее еще раз, Алиагран, – подался к нему ди Тарт. – Иное воздействие. Она была не готова!

– В том и суть, – спокойно ответил колдун. – От меня, так и быть, «ниже среднего».

– Подумай лучше, Алиагран, присмотришься. Ей же нужно будет все остальное на «похвально» сдать, – не унимался Леодрик.

– Придет в следующем году уже подготовленная. Если хочет сейчас, то пусть платит, как остальные.

Я заламывала за спиной пальцы. Переводила взгляд с декана на преподавателя Бувье. Леодрик предупредил, что вступительные экзамены для бесплатного обучения намного строже, и в сумме нужно набрать сорок баллов из возможных пятидесяти. Если учитывать, что «похвально» приравнивалось к десяти, а «неудовлетворительно» минусовало столько же, то у меня уже были проблемы. Получалось, что первой проверкой я заработала минус пять к общему зачету – уже провал.

И как не заметила воздействия? Я всегда видела материализованную силу, какую структуру она ни приняла бы, и потому зачастую избегала многих неприятностей. Колдун в момент, когда все началось, смотрел мне в глаза. Говорил короткие фразы. Поток был, но точно ли от него?

Я обернулась. Окинув взглядом убегающие вверх ряды ученических мест, остановилась на первом. Воздух шел волнами, словно огибал невидимую преграду. Решив проверить свою догадку, я приблизилась и замахнулась сумкой.

– Зачем сразу бить? – появился передо мной жгучий брюнет в изящном сером костюме.

– Хотела сначала рукой ткнуть, но мало ли какая могла там скрываться гадость. Я брезгливая.

Тонкие губы надломились в подобии усмешки. Мужчина, до неприличия богатый и явно дико занятой, скорее всего, обладатель редчайшего дара ментального воздействия, посмотрел мне за спину и кивнул.

– Обнаружить источник колдовства почти никому не удавалось, – прозвучал все такой же спокойный голос Алиаграна. – Это интересно.

Леодрик радостно улыбнулся, однако его коллега добавил:

– Но не впечатляюще. Можно было сразу увидеть скрытое.

– Ты придираешься, – вступилась за меня уже женщина. – Ментальному подавлению невозможно сопротивляться. Девушка не предрасположена к направленному колдовству, она природница.

– «Средне», – снисходительно сказал преподаватель Бувье. – Я закончил.

– Ами Роупи, подойдите ближе к столу, – позвала женщина.

Я поправила сумку на плече, обернулась на колдуна-менталиста, который смотрел с легкой долей иронии. Не верил в меня, но был немного заинтригован. Я сжала лямку и приблизилась к преподавательнице.

– Меня зовут Хинга Фиент. Не бойтесь, больше воздействовать на ваш разум или тело не станут.

– Я не боюсь.

– Чудно. А теперь поднимите этот карандаш, Ами, не касаясь его руками.

Невольно скосив взгляд на ди Тарта в поиске поддержки, я шагнула к столу. Было волнительно.

Контроль...

Сила большими каплями покидала тело, держалась на одном уровне – на десяти. Я предпочитала не пользоваться ею, чтобы не усложнять себе задачу. Сколько нужно потратить, чтобы сдвинуть предмет? Разделить потоки, не использовать больше требуемого, притвориться слабой.

Слабой настолько, чтобы впечатлить их. Слабой, но с достойным потенциалом. Ограниченной в возможностях, не способной создавать – на это нужно много силы, но умеющей задействовать сторонние ресурсы.

Я повела головой.

Жесткий контроль!

Иногда тело ломило от пустоты, от необходимости отдавать капля за каплей, медленно, терпеливо, постоянно. Сейчас ощущалось возбуждение. В пояснице тянуло, в шею давило, в висках пульсировало.

Я лихорадочно придумывала, как выкрутиться, и не могла найти ничего подходящего, как вырастить из древесины веточку и с ее помощью поднять карандаш. Или же у самого карандаша создать ножки? Сколько на это надо? Пять, шесть или семь тиков? У меня предрасположенность, значит, даже меньше. На врожденное колдовство всегда тратились крохи, если сравнивать с другими направлениями. А здесь сколько надо?!

Рогзи, сейчас опозорюсь. Или раскрою себя. Вон как Вуно смотрел, явно со мной прощался. И сдалась мне учеба и эта академия? Жила бы себе с шойном, горя не знала. Почему я такая упрямая, почему не могу делать так, как мне говорят, и сидеть смирно? Как было бы проще, останься я со своим стариком.

Контроль... Как сложно!

– Если не умеете, то просто скажите, – мягко произнесла Хинга.

Я разве слабачка, чтобы теряться перед трудностью? Если сдаваться раньше времени, то в чем вообще смысл?

Что их впечатлит, но не сожрет мою силу?

Сзади слышался шорох. Я обернулась, вновь не увидела аристократа, который предпочел скрыть себя. Пробежалась взглядом по ученической, обнаружила измененные потоки воздуха и потянула используемую другим человеком силу на себя. Она сопротивлялась. Шла неохотно, не желая отделяться от источника, однако поддавалась настойчивому напору и все же скользнула по моим пальцам, вскоре окутала карандаш. Тот наполовину стал невидим. Не то!

Я скрипнула зубами – пришлось задействовать преобразование. Но это легко, не больше одного тика.

Сила вывернулась наизнанку, стала материальной. Я потянула за нить потока и прищепила в воздухе, словно на веревку белье.

– Я же говорил! – подскочил со своего места ди Тарт. – Все видели? Дикое сокровище, которое нельзя отпустить. Я хочу ее себе!

– Тише, Леодрик, – поморщилась Хинга, потому как декан кричал ей чуть ли не на ухо. – Ами, расскажите, что вы сейчас сделали?

– Использовала чужую силу, – невинно ответила я. – Это ведь не запрещено?

– Чью?

– Вашего менталиста, – указала я на вновь показавшего себя колдуна.

Преподаватель Фиент вздернула брови, посмотрела на своих коллег. Видимо, я что-то сделала не так, ведь присутствующие выглядели слегка озадаченными.

– У меня маленький резерв, поэтому пришлось научиться использовать материализованную силу, – пояснила торопливо, пока не появились вопросы. – У странников это считается нормально. Я многому научилась у них.

Ложь! А кто проверит? Главное сейчас – сделать невинный вид и не выдать себя.

– От меня «похвально», – озвучил вердикт один из мужчин. – Преобразование выполнено на высшем уровне, поэтому взаимодействие со стихией я считаю пройденным.

– Это немного не то, что я просила, – начала было преподаватель Фиент, а потом улыбнулась: – Но вы определенно впечатлили меня и заслуживаете высшей оценки. «Похвально» и от меня. Поздравляю, Ами Роупи, и ждем вас завтра на двух заключительных экзаменах. Удачи. Будет интересно поработать с такой необычной девушкой.

От неожиданного успеха я едва не забыла забрать документы. Дошла до двери, вспомнила о них, вернулась, скомкано поблагодарила преподавателей. На радостях вылетела из кабинета.

Глава 7

Перед глазами плавали пылинки. Стоило выдохнуть, они взмывали вверх, кружились и уносились прочь из поля моего зрения, уступая место другим. В носу щекотало. Глаза немного слезились от яркого утреннего света. Я сжимала пальцами тонкое одеяло и долго не понимала, откуда на Путих взялся дом и как я в него попала. Где привычная палатка? Почему я выбрала неудобную постель вместо не менее неудобной земли? Та хоть не воняла...

Я рывком села. Обвела взглядом самую дешевую комнатуху, которую вчера нашла в столице, и облегченно выдохнула.

Взгляд упал на пальцы с заполненными больше необходимого черточками тиков. Я провела по ним, потеряла, лентяй вновь брать силу под контроль. Нужно давать себе отдых хоть немного.

С такими мыслями я проверила содержимое сумки, посмотрела на расписку о выплате третьей части штрафа, на которую расщедрилась вчера, выудила оттуда старую, но чистую и не порванную тунику. Как знала, что пригодится. Со штанами пришлось повозиться. С бытовым колдовством было бы проще, но я никогда не изучала его структур, ни разу не пробовала его вкуса. Шойн запрещал орудовать силой. Все руками, кочевники должны пользоваться своими руками.

И сейчас я пользовалась. Отращивала нити, связывала их, убирая разрывы. Чтобы хоть как-то скрыть недочеты, создала густую тесьму по низу и на боках. Не идеально, но прилично. В таком даже не стыдно идти в академию сдавать последние два экзамена. Я вовсе не стеснялась своего вчерашнего потрепанного вида, но хотелось выглядеть хотя бы достойно.

Волосы переплела в тугую длинную косу. Осмотрела себя. Перекинула через голову сумку и сосредоточилась.

В теле плескалась сила. Она наполняла, пронзала внутренние органы, текла дальше. Была кровью, смешивалась с воздухом в легких, дарила телу дополнительную энергию.

Выдох.

Сила побежала к рукам, нехотя сорвалась с пальцев. Рассеялась в пространстве, словно ее никогда не было.

Контроль!

Сначала буйным потоком, потом тонкой струей, которая вскоре сократилась до пухлых капель, сила покидала меня. Я почувствовала резерв, проверила количество заполненных тиков и настроила подходящий напор.

Теперь можно смело идти в жандармерию. Проблемы с органами власти мне ни к чему, лучше спокойно отработать свою часть часов и больше не иметь с ними дел. Это сейчас они решили поверить мне на слово. Мало ли к каким мерам прибегнут в случае неповиновения потом.

Эдар нашелся в том же кабинете, что и вчера. Потрепанный, но не такой уставший. Он поприветствовал меня улыбкой, поинтересовался моими успехами и рассказал, каким образом будет осуществляться над нами с принцем контроль.

Сегодня мы поработаем на благо общества в академии, а затем, в случае моей неудачи на экзаменах, наследника отстранят от учебы.

– Как-то жестоко, – поморщилась я, вот только ни на миг не пожалела блондинистого недоумка. Поделом ему!

– Ректор не видит другого способа. Он и так согласился допустить тебя до последних экзаменов.

Эдар передал меня в руки другому жандарму, с которым мы явились в академию. Там пришлось подождать в холле, пока представитель власти уладит вопросы и назначит наблюдающего за нашей с принцем отработкой надзирателя.

– А второй где? – вскоре подошел ко мне Оронтон.

– Я не знаю.

Он пробормотал что-то про неорганизованных, ленивых, невоспитанных детишек и пошел прочь.

– Погодите, а как же отработка?

– Вас должно быть двое. Вот приведешь своего подельника, тогда начнем.

– Но я не представляю, где он.

– Не мои проблемы.

Он зафыркал и зашагал к заднему двору, снова бурча себе под нос.

До экзаменов оставалось еще четыре часа. Я пока что успевала. И где искать этого бело-брысого принца?

Самым простым было проверить его в общежитии, что я и сделала. С помощью отзывчивых незнакомцев нашла северное крыло, расспросила коменданта, который при упоминании отработки для принца не только назвал номер нужной мне комнаты, но и проводил до двери.

– Дальше сама, у меня заселение.

Из высоких окон лился утренний свет, оставлял на полу желтые отпечатки. Возле лестницы расположился живой уголок с вьющимися по стене комнатными растениями. Я прошлась взад-вперед. Присмотрелась к большой картине с причудливым изображением элементов стихий.

Понимая, что долго оттягивать нельзя, придется встретиться с наследником, все же приблизилась к комнате с номером двадцать один. Постучала. Не дождавшись ответа, занесла руку снова, но тут дверь призывно открылась. Сама.

– Еще раз стукнешь, и стучать будет нечем, – донеслось сонное из глубины помещения, погруженного во мрак.

– Кого принесло в такую рань? – зевнул кто-то со второй кровати, которая слева. – Оставь завтрак на столе и убирайся. Мы потом поедим.

Я немного опешила. Мало того, что кто-то должен приносить им еду, так еще и обязан терпеть их надменность. Здесь что, есть слуги? Не думала, что в академию их берут.

– Что встал... О-о! – соизволил поднять голову левый, коим оказался Кираан. – Подарочек? Я не заказывал, но... утром я обычно голодный. Иди сюда, дай рассмотреть тебя.

– Да заткнись ты! – отозвался принц и, взмахом руки пустив по комнате порыв ветра, захлопнул за моей спиной дверь, попутно сбросив со стола стопку книг.

И что мне делать? Выйти и подождать, ведь негоже будить особу знатных кровей, врываясь в его комнату. Но чем он меня лучше? Это по его вине миар раскрылся. Из-за его разногласий с отцом, а потом неумения держать язык за зубами нас связали совместным наказанием. Я не обязана за ним бегать домашним зверьком в надежде, что он соизволит пойти на отработку. Мне сейчас надо! У меня сегодня еще вступительные экзамены.

– Шай иэн Гальтон, вас вызывает ректор! Поговаривают, вас хотят отчислить, – сказала я громко и ринулась прочь.

Вот только ручку заклинило. Я дернула за нее, еще раз, но та не поддалась.

Шорох шагов заставил напрячься. По спине закололо тонкими иглами от ощущения чужого взгляда. Я сделала новую попытку открыть дверь, поморщилась и, приняв невинный вид, развернулась.

– Бродяжка, – хриплый ото сна голос, сковывающий все внутри неприятным предчувствием.

Шай уже был рядом. Взлохмаченные волосы, из одежды – широкие штаны.

Я задержалась взглядом на выпирающих косточках чуть выше резинки, ошалело думая, что не надо было сюда приходить. Плоский живот, загорелая кожа, убегающая вниз полоска темных волос, черные просветы между телом и тканью... Чего мне в коридоре не стоялось? Могла позвать и оттуда.

– Меня не заводят бездомные.

Щеки вспыхнули огнем. Я подняла глаза и напоролась на мрачный взгляд, приковывающий своей тяжестью к месту. Полуголый мужчина на расстоянии одного шага. Опасный. Я вдруг осознала, что напрочь забыла о контроле.

Нет, так нельзя.

Подняла руку, быстро сбрасывая лишнее. Потянулась к широкой груди, намереваясь всего лишь увеличить между нами расстояние. В давящей тишине коснулась его кожи и, вздрогнув от неожиданного тепла, внезапно толкнула чистой силой.

Наследник отлетел. Ударился бы о стол, если бы не молниеносная реакция и выставленная воздушная защита. Остановившись на одном колене, он вскинул голову.

– Вижу, проснулся уже. Замечательно! Жду в коридоре, – сказала я и дернула за ручку. – Рогзи, да что с тобой не так? Открывайся.

– Проблемы?

Я поморщилась. Ткнулась лбом в дверь, зажмурилась и, нацепив лучезарную улыбку, неторопливо развернулась.

– Да, у вас здесь...

Шай оказался рядом. Вцепился в мои плечи, прижал к стене и голову набок склонил, словно развлекался.

– Это не вопрос, бродяжка. У тебя проблемы.

– Это у тебя проблемы, – мой голос надломился.

Я уперлась наследнику в горячий живот, попыталась пошевелиться, но стальная хватка пригвоздила меня к стене.

– Тебе помочь? – лишь сейчас напомнил о себе Кираан.

– Сам. Она мне задолжала.

– Вот не надо! – попыталась я применить тот же трюк, но Шай был готов и лишь надломил бровь. Проклятье! Так, нужно сказать что-нибудь нейтральное, пойти на примирение... – Если не умеешь уничтожать миар, то не берись. И я не виновата, что у тебя недомолвки с папочкой.

Серость глаз Шая сменилась холодной сталью. Я невольно задрожала. У меня даже волосы встали дыбом от искажившегося гневом лица, что стало ближе.

– Доигралась, – хриплый шепот.

Я заметалась, вновь и вновь начала толкать наследника в живот, а он уже вливал в меня силу.

Она обжигающей лавой пронеслась по внутренностям. Вырвала крик, до невозможности сдавила грудь.

Шай вдруг отступил, и я рухнула на пол. Попыталась сделать вдох, но хрипела, царапала горло. Воздух исчез. В глазах щипало от слез. Легкие горели дикой болью, лишенные жизненно необходимого кислорода.

– Скажи спасибо, что выбралась из миара, бродяжка, – присев на корточки, схватил меня за волосы наследник и запрокинул мою голову. – Я с радостью оставил бы там тебя.

Я ничего больше не могла, как хрипеть. Смотрела на блондинистого ублюдка, хватала ртом воздух, но не получала его. Перед глазами плясали темные пятна. Кожа шеи полыхала от бесконечных попыток стянуть невидимую петлю.

Щелчок длинных пальцев – и мне дарована способность дышать. Я рвано глотала вожделенный воздух. Сидела на корточках. Снизу смотрела на склонившегося надо мной принца, который продолжал тянуть мои волосы назад.

– Не-е...

Горло драло. Руки дрожали, обещая уронить меня перед наследником.

– Говорить разучилась, бродяжка? – наклонился он.

– Не дождешься, – сипло произнесла, преодолевая боль и по-прежнему глядя на аристократа снизу вверх, – моей... благодарности!

– Лучше бы молчала, – вкрадчиво прошептал колдун и, скользнув подушечками пальцев по моему подбородку, снова выпустил силу.

Теперь и я была готова. Скрипнула зубами от боли. Впустила, развернула, отдала...

Шай широко распахнул глаза, снова сжал мои волосы. Я зашипела, вцепилась в его руку.

– Все еще не боишься меня? – спросила на грани слышимости.

Он не дышал, я не могла пошевелиться из-за его железной хватки. Впитывала чужую силу и отдавала.

Глаза в глаза. Не скрывая эмоций, отдаваясь злости, пьянея от желания повергнуть врага. Наверное, разразись под нами бездна или откройся миар, мы не заметили бы. Стояли бы до последнего, не имея права отступить.

Шай шевелил губами, чувствуя то же, что недавно пережила я. Вот только не отпускал мои волосы, держал до последнего, упорно не сдаваясь.

Не знаю, кто разорвал этот безумный контакт. Наверное, оба. Я вздохнула от отпустившей тиски боли в голове, принц кашлянул, покачнулся. Моя рука уперлась в его плечо, что помогло не упасть. Я снова заглянула ему в глаза.

– У нас отработка сейчас. Жду в холле.

Пришлось подняться. Пусть враги знают, что ты не сдашься, тогда быстрее поймут, что придется сдаться им. Я медленно повернула ручку и на этот раз открыла дверь. Вышла медленно. Услышала от Кираана:

– Шай, что сейчас было?

И ушла!

Глава 8

Сердце стучало в бешеном припадке. Я кусала губы, мерила шагами область возле широкого окна, мысленно ругая себя. Новая оплошность. Очередной проступок. Зачем было заходить в ту дверь, почему я в коридоре не осталась?

Взгляд серых глаз не отпуская. Меня едва не трясло от мысли, что с этим человеком придется отрабатывать тысячу часов, разговаривать, часто контактировать. И если с академией еще ничего не понятно, то конкретно с Шаем я проведу очень много времени. Главное, чтобы рядом были люди, контролировали, сдерживали его.

Волнение постепенно затихло, уступив место холодному возмущению. А почему я должна бояться и переживать? Пусть наследник беспокоится, что ему вообще предстоит работать. Его с малых лет ублажали и все необходимое преподносили на подносе с золотыми узорами, теперь вот нужно шевелиться, что-то делать.

Время шло. Шай не появлялся. Я потирала фаланги пальцев. Близилась очередные экзамены, а наследника все не было.

– Да он издевается, – не выдержала я и уже направилась к северному крылу, как за ближайшим поворотом шею сзади полоснуло жаром.

В мозг впиалась посторонняя сила. Был тупой удар. Я зашлепала губами, не в состоянии издать звук, и голову заполнила вязкая туманность.

В плечах появилось давление, спиной почувствовала движение, словно меня тянули, а потом резко потемнело.

Вдох. Выдох.

Оцепенение не отпускало. Мысли вяло сменяли друг друга, шевелились, но были неправильными. Я думала о шойне, о рассвете в Багровой пустоши, который в эту пору года особенно прекрасен, а еще о маме.

Ее глаза... Большие, полные безграничной любви, в которые хотелось смотреть не отрываясь. Слова песни, тихой, немного печальной. Вроде бы это была колыбельная, но какая-то неправильная, пронизанная тоской. Со слезами.

Вдох.

Тело не слушалось, да я и не особо пыталась его подчинить. Утопала в теплых сердцу воспоминаниях и не чувствовала тока времени. Мне бы еще. Хотелось снова увидеть маму.

Выдох.

Стало светлее. Я точно различила скрип двери, вот только за ним ничего не последовало.

Снова тихо, опять я наедине со своими мыслями, которые не поддавались контролю.

Сила, тики!

Я дернулась, шевельнула пальцами. Нет! Если меня обнаружат, если увидят больше необходимого заполненный резерв, то мне не жить. Страх удавкой впился в шею, паникой вонзился в виски. Меня выгнуло, вывернуло. На краю сознания я почувствовала силу и толкнула ее.

Грохот! Что-то рядом упало. Щель света стала больше, появился черный силуэт.

И снова мамы глаза. Потом другие, похожие. Люди о чем-то говорили, спорили. Я не могла понять: эти голоса принадлежали моим родным или шевелящимся силуэтам в проходе.

Еще были руки, сопение. Меня покачивало из стороны в сторону, ноги свободно болтались, голова – тоже.

Я даже не сопротивлялась, вяло наблюдала за происходящим, погружалась в подернутое дымкой времени прошлое, сомневалась, происходило оно на самом деле или все плод моего воображения. А потом прозвучало:

– Теперь должна очнуться.

Зрение вмиг восстановилось. Я резко села и тут же упала на подушку из-за прострелившей голову боли.

– Не спеши так, – рядом появился ди Тарт.

– Что произошло?

Возле передвижного столика возилась женщина в бежевом. Она положила влажную ткань и наклонилась ко мне.

– Дай-ка проверю.

– Не надо, со мной все в порядке, – увернулась я от протянутой руки и посмотрела на декана: – Что случилось?

– Ты не явилась на экзамены. Я забил тревогу. Жаль, что все так вышло, мне очень хотелось бы поработать с тобой.

– Уже все? Нет, но как же, я готова сдать их, – снова поднялась я, однако почувствовала едва ощутимое прикосновение к плечу, и глаза налились тяжестью.

– Потом поговорите, девушке нужно немного поспать.

Голоса. Тихий спор, переходящий в шипение. Яркий запах мятой гортэнлии, которая хорошо устраняла воздействие силы.

Экзамены! Нужно сдать. Я хочу учиться. Мне надо. Мне очень надо!

Сны терзали рассудок. Я видела Алиаграна, который снова молчал. Другие давили криками, приказами, толкали и тянули. В какой-то момент ученическая исчезла, а на ее смену пришло Ледяное море. Я стояла на крохотном белоснежном острове в порванной тунике, тряслась от холода и смотрела в налитые кровью глаза дикой кошки. Но эти животные обитали в теплых краях. Что она здесь забыла?

Затем все потемнело, я оказалась в каменном мешке с маленьким оконцем. На свет выступил Шай. Решительный, источающий злость, готовый мстить. За что?

Я распахнула глаза и увидела все тот же пристальный серый взгляд. Наследник склонился надо мной с пухлой бутылочкой в руках.

– Напрасно очнулась.

Внутри шевельнулся необузданный страх. Я вжалась в подушку, попыталась отползти, но врезалась головой в стену.

Вокруг было тихо. Пустые койки, блеклый вечерний свет из приоткрытых окон, покачивающаяся плотная ткань слева, частично отгораживающая нас от остальной части лекарского зала.

– Сейчас будет больно, – приблизился Шай.

Он обхватил мою голову, запрокинул, приложил бутылочку к губам. Я сжала их, замычала.

– Так надо, – процедил принц.

Я сопротивлялась, применяла силу, которая удивительным образом отскакивала от наследника и гасла. Била ею. Наотмашь, не формируя ни во что. Просто бросалась сгустками, как шарами. Сама извивалась, отворачивалась, толкалась.

– Да уймись ты, не собираюсь я тебя убивать, – прошептал он и сжал в кулак мои волосы на затылке, да так резко, что я охнула.

Принц воспользовался моментом, влил мне в рот горячую жидкость и припечатал сверху своей ладонью, не позволив выплюнуть.

– Глотай.

Язык полыхал, не ворочался. Я тянулась к лицу колдуна, царапалась, хваталась за его руку, отталкивала от себя.

– Глотай, бродяжка, – встряхнул меня принц. – Не бойся.

Горло опалило, изнутри расцарапало. Я застонала, глаза защипало от слез. А Шай ждал, тяжело дышал, удерживал меня в одном положении. По виску катилась капелька пота. Его

мышцы на руках бугрились от напряжения. Я уже била кулаками ему в грудь, выгибалась, сучила ногами. Ничего не могла. Чувствовала себя пойманным в клюв червяком, которого вот-вот проглотит квоха.

– Не бойся, – повторил шепотом Шай, и я безвольно упала на койку. – Просто немного потерпи.

Глоток. В груди разлилось пламя. Оно понеслось по венам, заполнило каждую клеточку тела, разодрало, вспорол.

– Не шевелись. Это стеклянная вода, от малейшего движения будет больно. Так надо.

– Кому? – выдохнула я и закричала от вспыхнувшего внутри пламени.

С каждым новым вздохом становилось хуже. Я истошно орала, рыдала в голос, помнила слова наследника, что шевелиться нельзя, но не могла остановиться.

Он исчез. Сюда прибежали две женщины. Или три.

Успокаивали, трогали, причиняли боль. Я вопила. Билась в агонии, отмахивалась от них силой, отбивалась от прикосновений, горела, рыдала, ничего не понимала.

За что?

Я не понимала, чем заслужила подобные муки. Меня трясло. Тело не слушалось. Мозг отказывался воспринимать реальность.

Потом была спасительная тьма, секундная тишина – и снова боль.

Горло драло, ко мне снова и снова прикасались. Через пелену слез я видела силуэты. Разные, много.

От каждого нечаянного движения меня подбрасывало, скручивало, выворачивало. Пытка не заканчивалась.

– Упрямая бродяжка, – послышалось раз.

Эти слова стали ушатом холодной воды, отрезвившей разум. Я будто очнулась. Вспомнила о контроле, подчинила силу, призвала ее в помощь, отстраненно отмечая, что пуст резерв.

Контроль. Нельзя шевелиться. Нужно просто ждать.

Стало намного легче. Я слышала похвалу от незнакомой женщины и заверения, что через пару дней станет значительно лучше. Звенели стекляшки. Мне в рот лилась сладкая жидкость, от которой на языке чувствовалось холодное пощипывание.

Приходил декан. Он вел себя громко, расспрашивал кого-то, вздыхал, но словно не был расстроен. Озадачен, возможно, но чему-то рад.

– И что мне делать с кочевницей? – однажды спросил кто-то, судя по голосу, ректор.

– У тебя как раз некому за садом присматривать, сам же говорил, – ответил ему декан. – Лоренция уволилась в последний момент, прямо сбежала из академии перед самым закрытием. Посели девочку в доме для работников, пусть помогает, раз уж выйти не сможет. Тем более у них с изн Гальтоном отработка висит.

– Как она подхватила стеклянный недуг, Леодрик? Десять тиков, а такой долгий откат.

– Бывает. В последнее время я склонен верить всему, тем более сам понимаешь, случаи участились. Творится невесть что!

– Не начинай. Всего четыре, удержим.

– Не знаю, Азиал, уже ничего не знаю. Скорее бы лабиринт открылся и все это прекратилось.

Дверь открылась. По коже скользнул легкий сквознячок.

– Не могли бы вы поговорить в другом месте? Бедняжка только начала приходить в себя, – грозно заговорила женщина, голос которой я слышала чаще всего.

– Алинда, – протянул ди Тарт, словно наслаждаясь звучанием ее имени, – не сердчай на нас, мы пришли провести девушку.

– Проведали? – звучало грозно. – А теперь вон отсюда. Как выздоровеет, так и придете.

Мужчины не стали злить колдунью. Послышались быстрые шаги, вновь скрипнула дверь.

– Ох и переполошила ты всех, бедняжка, – смягчился тон Алинды. – Не спишь, знаю. Но ты не шевелись, правильно, так болезнь быстрее пройдет и боли не будет. И где ты подхватила ее, понять не могу?

Она все говорила и говорила, успокаивая звучанием своего голоса. Я чувствовала легкие прикосновения к груди, шее, лбу, приятное воздействие силы.

– Пей.

Я разомкнула губы. В рот полилась знакомая сладковатая жидкость.

– Умница. А теперь поспи, тебе пригодятся силы.

Вскоре стало тихо. Я попыталась поднять веки, но почувствовала резь в глазах и моментально передумала.

Дальше было определенно легче. Сон, прикосновения, мягкие слова поддержки от Алинды и похвала. В основном лекарский зал наполняла тишина. Пару раз приходил кто-то, но молчаливо стоял вдалеке, наблюдал. Первым делом я подумала, что это Шай. Может, чувствовал вину, потому заглядывал. Потом возникла уверенность, что аристократ не опустится до посещения бродяжки, этот придурок вообще не способен на человеческие чувства, а потому даже не знает вины. Подумаешь, какая-то кочевница мучается. Одна из многих. Пыль под его ногами. Никто!

Да, это определенно был другой человек. Вероятно, тот, чья сила резанула в самом начале по шее огнем. Кто напал со спины. Кому я уже помешала?

Глава 9

Очнулась я ночью. Спина онемела после долгого и неподвижного лежания. На соседней койке кто-то громко сопел. Я поворочалась, проверила наличие перевязи на груди и облегченно вздохнула. Не найдя удобного положения, осторожно села, свесила ноги.

Хотелось пройтись, размять кости. Встряхнуться, сбросить тяжесть и... побежать. Нет, сначала найти стеклянную воду, а потом уже рвануть в северное крыло, в комнату двадцать один, влить ее в глотку блондинистому ублюдку и потом наблюдать. Пусть корячится. Я буду смотреть, наслаждаться его болью, впитывать стоны.

От слишком кроважанных мыслей закружилась голова. Я прижала пальцы к виску и неторопливо поднялась.

Ноги держали плохо. Живот крутило от голода. В остальном мое состояние можно было назвать сносным.

– Почему не спишь? – тихий шепот с соседней койки.

– Извини, что разбудила.

– Да ничего, – заворочалась девушка. – Ты очень долго здесь лежала, тебе простительно.

Она зевнула, потянулась, отвернулась. Полминуты помолчав, девушка приподнялась на локтях и вдруг спросила:

– Это правда?

– Ты о чем?

– О стеклянном недуге. Говорят, это жутко больно. Тебе было больно?

– Еще как, – почему-то фыркнула я, в данный момент воспринимая пережитое как ужасный сон, который закончился. Глаза открыла – и нет его.

Жаль, все не так просто. Всегда есть последствия.

Я подошла к окну, выглянула на улицу, где небосвод освещали две яркие луны. Третья появлялась очень редко и чаще всего пряталась за своими собратьями.

– Как тебя зовут?

– Ами.

– А меня Зиана. Не хочешь поболтать? Я все равно теперь не усну, а времени до первых занятий еще много. Я природница в полном комплекте.

– Это как?

– Вторая предрасположенность к звероколдовству. С животными общаться умею. А у тебя что?

– Десять тиков, – отвернулась я, не особо желая вдаваться в подробности.

– М-м, – протянула она и улеглась. – А дальше?

– Природница, свет.

– М-м, – снова замычала девушка. – Что умеешь?

– Ничего.

– Поговаривают, стеклянный недуг сильнее всего поражает тех, у кого резерв большой или способности, как бы это правильнее выразиться, созвучные, которые ближе к познанию или, как здесь его часто называют, направленному колдовству: бытовое, ментальное, прорицание или звероколдовство. Судя по тому, что я слышала, ты пролежала здесь две недели. В общем, не верю я тебе, Ами.

– Твое право.

– Хм-м... – это было последнее, что она выдала.

Больше мы не разговаривали. Я продолжала стоять возле окна, всматриваясь в темноту, пыталась понять, как ко всему относиться.

Потом наступило утро.

– Очнулась, – тот самый голос, который не единожды поддерживал меня.

На пороге лекарского зала стояла женщина с невероятно добрыми глазами. Невысокая, в теле, с маленькими нежными руками, которые за время болезни часто прикасались ко мне.

– Спасибо вам.

– Ой, моя хорошая, будет тебе, – отмахнулась Алинда и подошла к моей койке. – Подойди сюда, проверим.

Я посмотрела на рыжеволосую макушку, выглядывающую из-под одеяла. Приблизилась к целительнице.

Она приложила ладонь к моей груди, погрузилась внутрь себя, чтобы увидеть. Потом было прикосновение к шее и лбу.

– Сносно, – сделала заключение колдунья. – Сегодня отпустим. Тебя там заждался наш декан стихийного преобразования. И чем ты его впечатлила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.